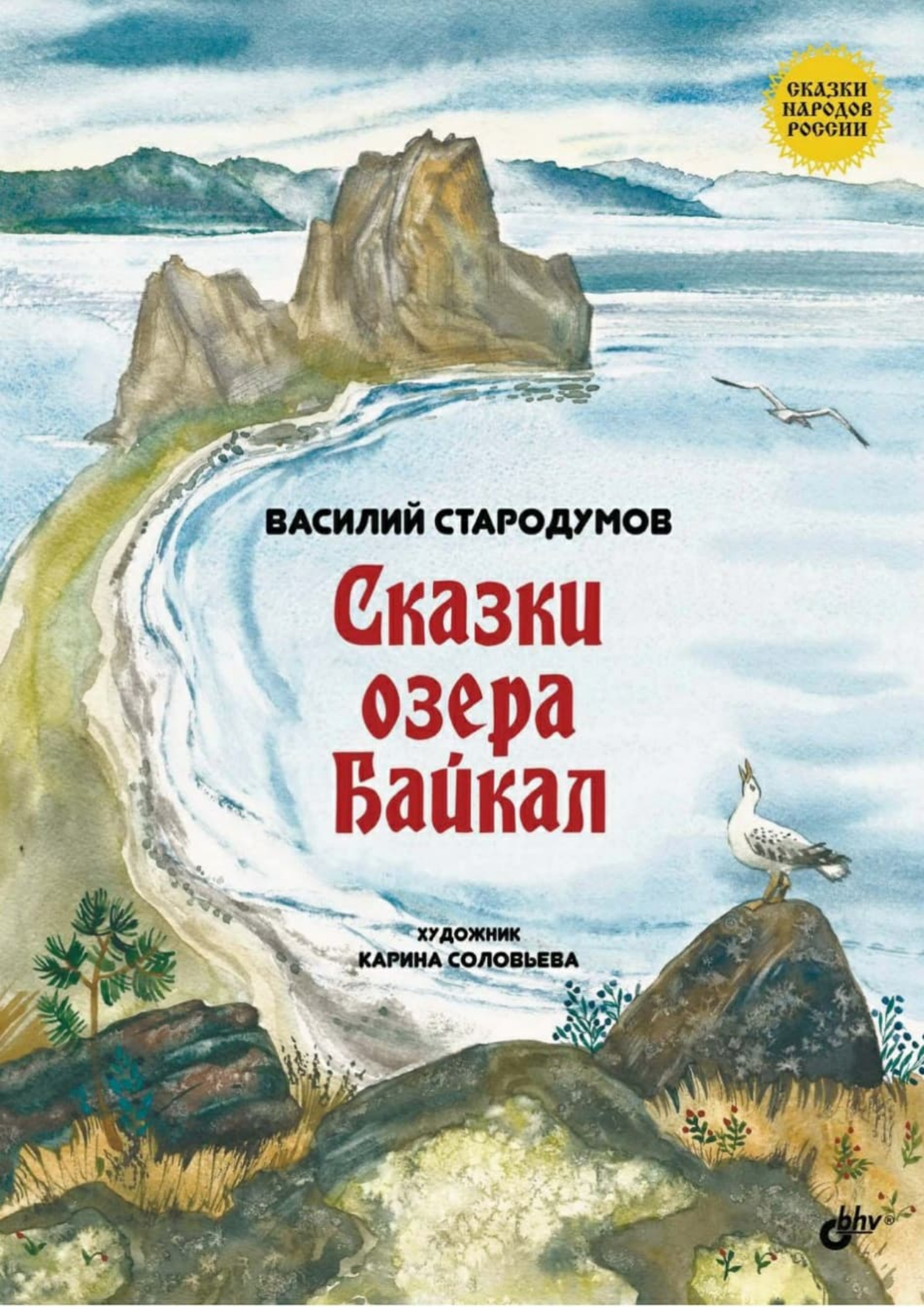
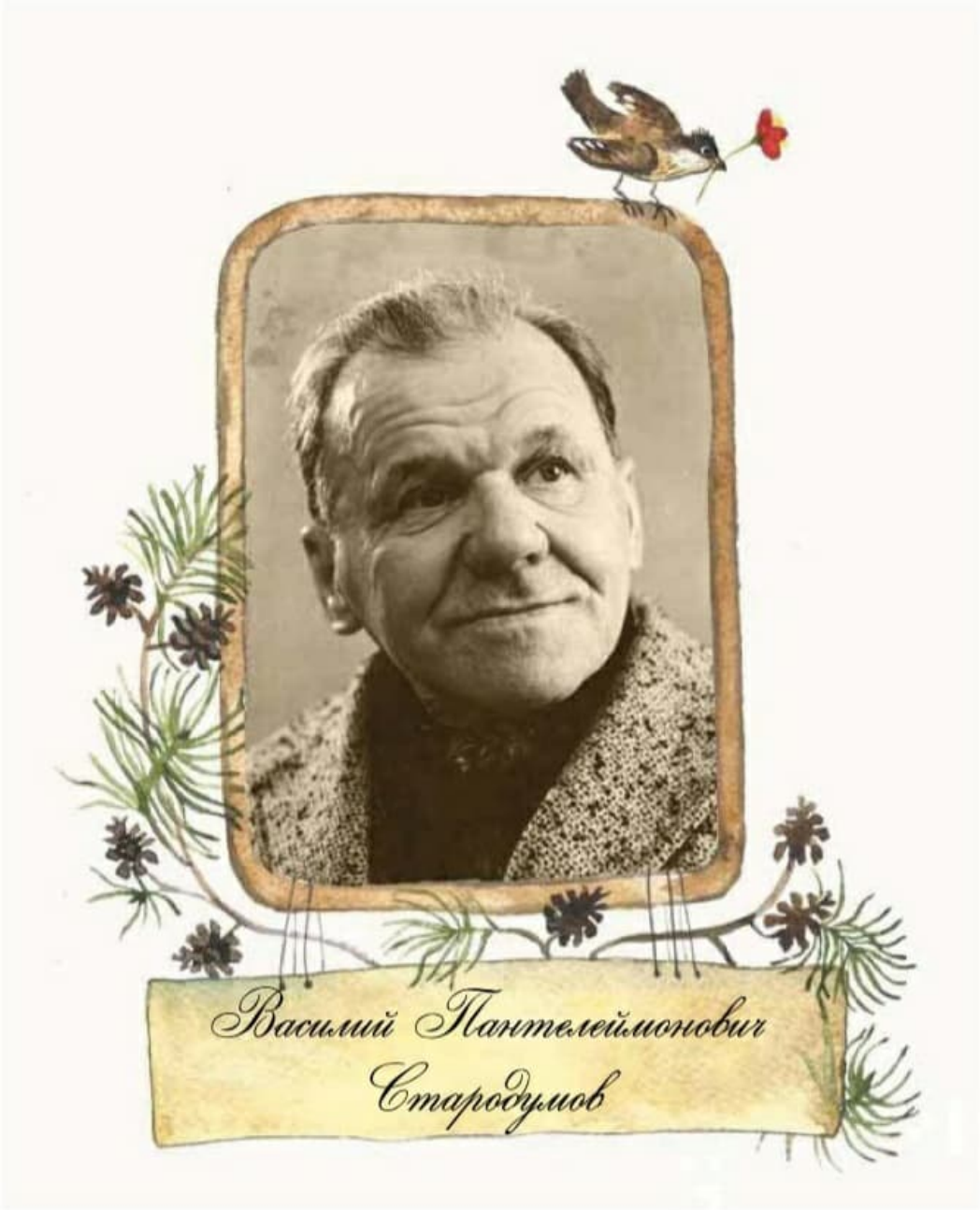

СКАЗКИ НАРОДОВ РОССИИ
ВАСИЛИЙ СТАРОДУМОВ
Сказки озера Байкал
ХУДОЖНИК
КАРИНА СОЛОВЬЕВА
bhv

СКАЗКИ
НАРОДОВ
РОССИИ


Василий Пантелеймонович
Стародумов

Василий Стародумов

Сказки озера Байкал

художник Карина Соловьёва

Санкт-Петербург
«БХВ-Петербург»
2016

Предисловие

Между высоких гор, в бескрайней тайге раскинулось самое глубокое в мире озеро Байкал, его ещё называют сибирским морем.

Неизведанной и загадочной страной была Сибирь в давние времена — дикая, холодная, пустынная. Немногочисленные племена сибирских народностей — буряты, якуты, эвенки и другие — кочевали по необъятным сибирским просторам, тайге и степям между могучими реками Ангарой, Енисеем, Леной, Нижней Тунгуской и Селенгой и стремились к побережьям Байкала.

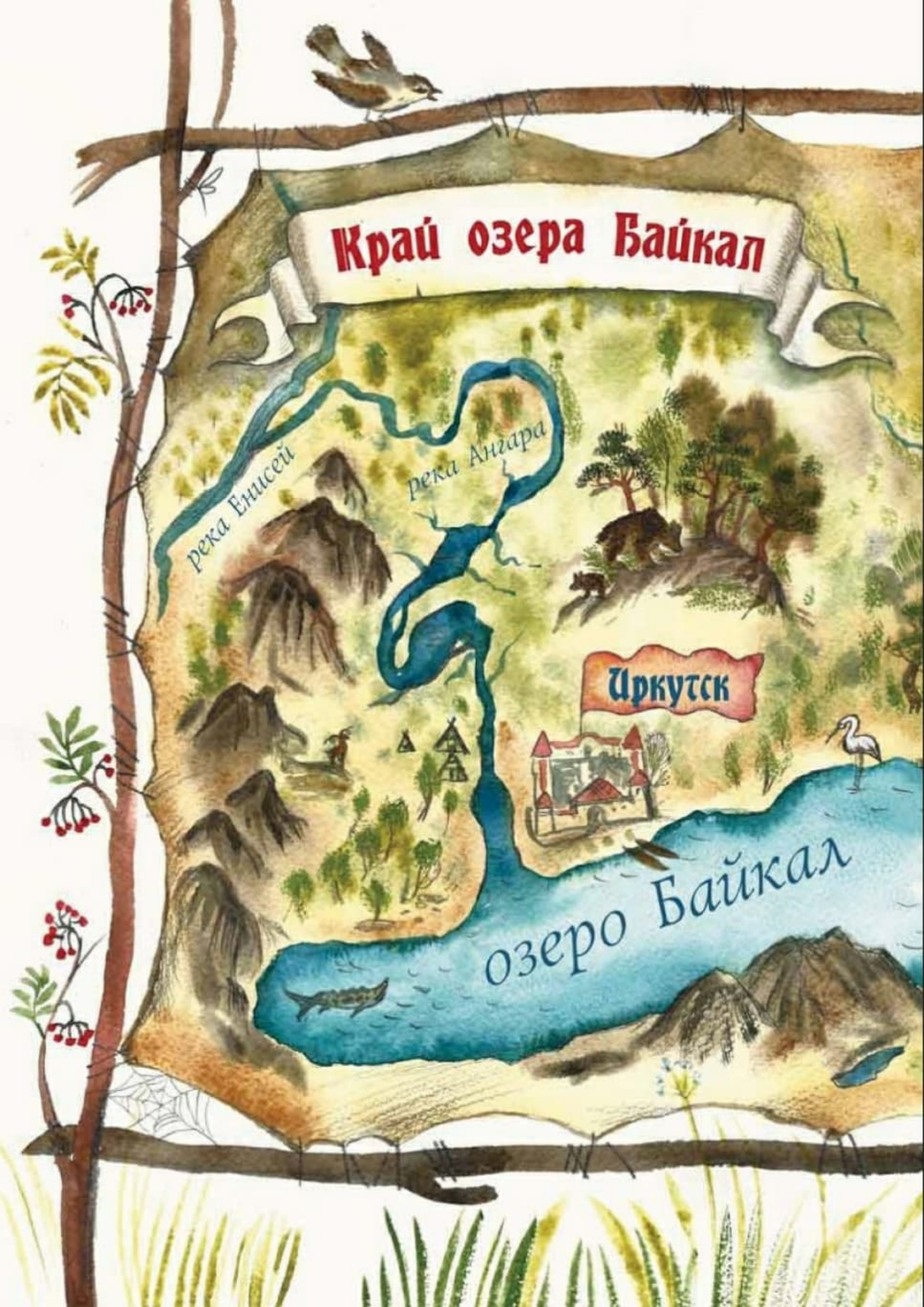
Они занимались скотоводством, разводили лошадей, коров. А также добывали пищу охотой и рыболовством. В водах Байкала ловили омуля, хариуса, сига, байкальского осётра, налима, тайменя и щуку.

Почти всё необходимое для своего хозяйства местные племена изготовляли сами: одежду, оружие, материал для устройства жилищ — юрт. Сеяли просо, гречиху, ячмень.

Со временем в эти земли пришли русские первопроходцы. Их интересовала пушнина — драгоценный мех норки, соболя, песца, из которого шили меховые изделия. Русские основывали селения и города. Одним из самых крупных и процветающих стал Иркутск. И сейчас, если ты решишь отправиться на озеро Байкал, тебе непременно сначала нужно будет доехать до этого красивого старинного города.

В городе Иркутске жил сказочник Василий Пантелеймонович Стародумов. Он любил свой край. И писал о Байкале, о красоте и бездонности «сибирского моря». Василий Пантелеймонович знал много бурятских легенд и умел их рассказывать.

«У моря нашего Байкала, там, где кедры прильнули к скалам, стоит избушка, но не на курьих ножках, а похожая на неё немножко. Посидим в ней, чайку попьём да и сказку вести начнём...». Вот такая присказка была у сибирского сказочника. С неё он начинал каждый свой рассказ.


Край озера Байкал
река Енисей
река Ангара
Иркутск
озеро Байкал

река Лена
Малое море
остров Ольхон
Баргузин
река Баргузин
Улан-Удэ
С
З
В
Ю
река Селенга

Ангарские бусы

Кого в глубокую старину считали самым славным и могучим богатырём, которого все боялись, но и почитали? Седого Байкала, грозного великана. А славился он ещё и несметными, бесценными богатствами, которые стекались к нему со всех сторон от покорённых им и обложенных данью — ясаком — окрестных богатырей. Насчитывалось их более трёхсот. Собирал ясак верный слуга Байкала — богатырь Ольхон, у которого был крутой и жестокосердный нрав.

Неизвестно, куда бы девал с годами всю добычу Байкал и сколько бы он её накопил, если бы не его единственная дочь Ангара — синеокая, капризная и своенравная красавица. Очень огорчала она отца своей необузданной расточительностью. О, как легко и свободно, в любой миг расходовала она то, что собирал её отец годами! Бывало, журили её:

— На ветер бросаешь добро, зачем это?

— Ничего, кому-нибудь да пригодится, — говорила Ангара посмеиваясь. — Люблю, чтоб всё в ходу было, не залёживалось и попадало в хорошие руки.

Сердцем была добра Ангара. Были у Ангары и свои любимые, заветные сокровища, которые она берегла с малых лет и хранила в голубой хрустальной шкатулке. Часто подолгу любовалась она ими, когда оставалась в своей светлице. Шкатулку эту Ангара никогда и никому не показывала и ни перед кем не открывала, а поэтому никто из дворцовой челяди не знал, что в ней хранится. Знал только один, Байкал, что шкатулка эта была доверху наполнена волшебными бусами из многогранных драгоценных камней самоцветов. Удивительную силу имели эти сокровища! Стоило только извлечь их из шкатулки, как они загорались такими яркими могучими огнями необычайной красоты, что перед ними меркло даже солнце.

А почему Ангара не торопилась надевать на себя волшебные украшения, призналась она только своей няне Тодокте:

— Вот появится у меня любимый друг, тогда и надену. Для него.

Но дни проходили за днями, а друга по душе не находилось. И вскоре Ангара крепко заскучала. Всё вокруг томило и огорчало её. От былого игривого нрава красавицы ничего не осталось.

Заметил Байкал такую перемену в дочери и догадался: жениха ей хорошего надо, свадебку пора сыграть. А за кого отдашь, если она ещё никого не полюбила!

И решил он оповестить всю окружавшую его знать о том, что хочет выдать дочь замуж.

Желающих породниться с Байкалом оказалось много, но Ангара всем им отказывала. Разборчивой оказалась невеста! По её выходило, что этот умом недалек, тот лицом не вышел, третий — статью. Байкалу уже не только Ангару, но и всех молодых богатырей стало жалко.

Много ли, мало ли прошло времени, но однажды во владения Байкала приплыл такой нарядный струг*, каких здесь никогда не бывало. А привёл его молодой витязь Иркут, окружённый большой важной свитой. Ему тоже захотелось попытать счастье.

Но Ангара и на Иркута глянула равнодушно, поморщилась:

— Нет, не надо мне и этого!

Делать нечего — хотел было повернуть Иркут обратно, но Байкал остановил его:

— Не торопись, погости у меня немного.

И устроил в честь гостя, который понравился ему, небывалый пир. И длился он несколько дней и ночей. А когда наступил час расставания, Байкал сказал Иркуту на прощание:

— Хоть Ангаре ты и не пришёлся по душе, но мне люб. И я постараюсь, чтобы ты был моим зятем. Надейся на меня.

Слаще мёда принял эти слова Иркут и отплыл к себе обрадованным. Байкал с этого дня начал осторожно уговаривать Ангару, настаивать, чтобы она согласилась выйти замуж за Иркута. Но она и слушать об этом не хотела. Бился-бился Байкал, видит — ничего не выходит, надо повременить со свадьбой. Но твёрдо затаил в себе решение: уважить Иркута, настоять на своём.

Но вот подошёл большой летний праздник — сурхарбан, на который каждый год стекалось к Байкалу много народу. О, как богато и торжественно обставлялся этот праздник!

Уже начались состязания, когда последним появился на празднике потомок гордого богатыря Саяна могучий и славный витязь Енисей, который сразу обратил на себя внимание всех присутствующих. В стрельбе из лука, в борьбе и в скачках он далеко превзошёл всех богатырей — званых гостей Байкала.

---

* Судно, корабль.

Ловкость и красота Енисея поразили Ангару, и она не отрывала от него глаз, сидя рядом с отцом. Енисей тоже сразу же был очарован красотой дочери седого Байкала. А потом подошёл к ней, поклонился низко и сказал:

— Все мои победы — тебе, прекрасная дочь Байкала!

Байкал лукаво улыбнулся:

— Значит, не мне, а ей, Ангаре? — и покосился в сторону дочери. А Иркута, находившегося в свите Байкала, даже передёрнуло от ревности.

Слова Енисея очень польстили Ангаре. Приятнее ей ещё не доводилось слышать, и она пришла от них в восторг. Вот за таким она пошла бы хоть на край света!

Кончился праздник, люди стали разъезжаться по домам. Кинув прощальный взгляд на Ангару, покинул владения Байкала и Енисей.

И с той поры Ангара ещё более заскучала. Байкал забеспокоился.

«Уж не по Енисею ли тоскует дочь моя?» — с тревогой подумал он, и это опасение не давало ему покоя. Но обе-

щание своё — выдать дочь за Иркута — решил выполнить. И как можно скорее!

И однажды Байкал, вызвав к себе Ангару, заявил ей прямо:

— Вот что, дорогая дочь! Лучшего жениха, чем Иркут, я тебе не советую искать, соглашайся!

Но Ангара снова воспротивилась:

— Не надо мне его! Лучше уж одна до старости лет жить буду! И убежала прочь. Упрямый Байкал в сердцах затопал на неё ногами и крикнул вслед:

— Нет, будет по-моему!

И тут же приказал Ольхону глаз не спускать с Ангары, чтобы она не вздумала убежать из дому.

Но Ангара и не думала о побеге. Ей просто захотелось побыть одной, чтобы никто не мешал ей думать и мечтать о любимом.

И вот однажды она подслушала разговор двух чаек, которые восторженно отзывались о голубой прекрасной стране, где властвует Енисей.

— Как там хорошо, просторно и свободно! И какое счастье жить в такой стране!

Ангара загрустила пуще прежнего.

— А разве у меня нет сил? И разве я не хочу приносить всем счастье? Вот бы и мне попасть в ту голубую страну, и вместе с Енисеем жить свободно, и стремиться дальше и дальше, к неведомым просторам, чтобы всюду сеять такую же свободную светлую жизнь. О, для этого я не пожалела бы и свои волшебные бусы!

Заметил терзания дочери Байкал и отдал новое повеление Ольхону: заточить Ангару в скалистый дворец и держать её там до тех пор, пока она не согласится стать женой Иркута. Ничем не смогла помочь своей любимице и няня Тодокта.

Упала Ангара на каменные плиты скалистого дворца — мрачной темницы, горько заплакала, а потом успокоилась немного, раскрыла перед собой хрустальную шкатулку с волшебными бусами, и они ярким сиянием осветили её лицо.

— Нет, ни перед кем я их не надену, кроме Енисея! Да и людей ещё одарю!

Захлопнула шкатулку Ангара и взмолилась перед Ольхоном, чтобы тот выпустил её, а когда тот и слушать не стал, обратилась к своим друзьям — большим ручьям и малым:

— Милые вы мои, родные источники! Не дайте мне погибнуть в каменном плену! Суров мой отец, но запрета его я не боюсь и хочу к моему возлюбленному Енисею! Помогите мне вырваться отсюда на волю!

Услышали мольбу Ангары большие ручьи и малые и поспешили на помощь затворнице — стали подтачивать и пробивать каменные своды скалистого дворца.

А Байкал послал к Иркуту гонца с тем, чтобы тот немедленно прибыл к нему.

— По истечении ночи сыграем свадьбу, — передавал Байкал витязю.

Крепко спал в ту ночь утомлённый хлопотами Байкал. Вздремнул немного и понадеявшийся на крепкие затворы дворца верный страж — богатырь Ольхон.

Ручьи же и ручейки между тем завершили своё дело — расчистили выход из темницы. И Ангара бежала. Хватился Ольхон — нет Ангары. Как гром, раскатились окрест его тревожные вопли. Вскочил на ноги и Байкал. А когда узнал, что произошло, ему самому стало не по себе, и он страшным голосом закричал беглянке вслед:

— Остановись, дочь моя! Пожалей мои седины, не покидай меня!

— Нет, отец, ухожу я, — удаляясь, откликнулась Ангара.

— Значит, ты не дочь мне, если хочешь ослушаться меня!

— Нет, я дочь твоя, но не хочу быть рабой. Прощай, отец!

— Погоди! Ты видишь — я весь исхожу слезами от горя!

— Я тоже плачу, но плачу от радости, что избавилась от гнёта. Теперь я свободна!

— Замолчи, неверная! — гневно вскричал Байкал и, видя, что теряет дочь навеки, схватил в руки скалу и со страшной силой бросил её вдогонку беглянке, но было поздно...

Напрасно бушевал и свирепствовал Байкал, напрасно метался по горам Ольхон — они уже не смогли ни догнать, ни удержать беглянку. Всё дальше и дальше уходила она, прижимая к груди заветную шкатулку. Мечта о встрече с любимым окрылила Ангару, и ей захотелось от радости свободы поделиться с людьми самым дорогим, что имела, — вол-

шебными бусами. Остановилась на миг Ангара, огляделась вокруг. Как прекрасно было здесь! Открыла она хрустальную шкатулку, достала связку волшебных бус и бросила её себе под ноги со словами:

— Пусть загорятся здесь огни жизни, огни счастья, огни богатства и силы!

И побежала дальше. И вдруг увидела она впереди себя скачущего наперерез всадника. Это был Иркут, он спешил преградить путь своей наречённой невесте. Собрала Ангара все свои силы и прорвалась, пробежала мимо него. Иркут остался ни при чём и заплакал от горечи и досады.

Теперь Ангаре бежать стало гораздо легче и спокойней. Да и радости прибавилось, и она снова кинула на своём пути связку бус со словами добрых пожеланий.

Так и бежала она, радостная и щедрая. А когда завидела вдали Енисея, то, вынув из шкатулки самые красивые волшебные бусы, надела их на себя. Такою и встретил её могучий пригожий красавец, славный витязь Енисей. И бросились они в объятия друг к другу. Хоть уговору между ними никакого и не было, а вышло так, будто ждали они этого часа давным-давно. И вот он настал.

— Теперь нас уже никакая сила не разлучит, — сказал Енисей. — Будем мы с тобой в любви да согласии жить-поживать и другим того же желать.

От слов Енисея сладко стало на душе у Ангары и ещё радостней забилось её сердце.

— И я буду тебе на всю жизнь верной женой, — сказала она. — А волшебные бусы, что я для тебя держала и которые привели меня к тебе, мы раздадим людям, чтобы и они получили от этого радость и счастье.

Енисей взял Ангару за руку, и они вместе пошли по голубой солнечной дороге...

Много лет прошло с тех пор. Слёзы Байкала, Ангары, Енисея и Иркута, пролитые ими от горя и от радости, превра-

тились в воды. И только всё бесчувственное всегда бывает подобно камню. В большой камень превратился неумолимый богатырь Ольхон, не знавший, что такое слёзы. Камень поменьше, что кинул когда-то в Ангару Байкал, люди прозвали Шаманским. А добрые пожелания Ангары исполнились: там, где были брошены её рукою волшебные бусы с камнями-самоцветами, разгорелись большие и яркие сильные огни жизни, выросли города, окрепло людское счастье. И таких городов будет ещё больше.

Тут и сказке конец, а дело — всему венец.

Жена Хордея

Жил когда-то вблизи Саянских гор бедняк Хордей. Он пас у одного богача скот. Хозяин был очень скуп. Когда минул год, он заплатил Хордею за его верную службу всего три монетки. Хордей обиделся и решил искать счастья в другом месте.

Долго скитался он среди дремучей тайги, диких гор и обширных степей, пока, наконец, не попал на берег Байкала. Здесь Хордей сел в лодку и переправился на остров Ольхон. Остров ему понравился, но прежде чем остаться на нём, он решил испытать своё счастье.

Хордей знал, что батюшка Байкал не ко всякому человеку расположен бывает, потому и не от всякого подношения принимает. Вот Хордей и загадал: «Брошу-ка я ему свои три монетки, если по нраву придусь — он примет мой подарок и, значит, я останусь здесь, а если назад выбросит — пойду дальше».

Загадал так и далеко забросил монетки в воды Байкала.

Заиграло море, зарокотало весело, как горный ручей, и приветливо плеснуло у берега волной. Поглядел на прибрежную гальку Хордей, а на ней только пенная россыпь сверкнула — и ничего больше. Обрадовался бедняк тако-

му хорошему предзнаменованию и остался жить на острове у Малого моря.

Три года прошло с тех пор. Хордею здесь хорошо — Малое море кормило его вдоволь, тайга одевала. Да наскучило Хордею быть одному, захотелось ему жениться. И он затосковал.

Однажды, занятый печальными мыслями о своей невесёлой и одинокой жизни, Хордей сидел на берегу моря и наблюдал за чайками и бакланами, которые с весёлыми криками летали над морем. «Вот птицы и те счастливее меня, у них есть семьи», — завистливо думал он и тяжело вздыхал. И тут внезапно в шелесте байкальских волн ему послышался тихой голос:

— Не горюй, Хордей. Твои последние трудовые монетки, что не пожалел ты мне, не пропали даром — я тебя приютил когда-то, а теперь помогу найти и жену. Перед рассветом укройся здесь меж камней и жди. На утренней заре прилетит сюда стая лебедей. Лебеди сбросят с себя оперение и превратятся в стройных и красивых девушек. Тут и выбирай себе любимую. А когда девушки начнут купаться, спрячь её лебединое платье. Вот она-то и станет твоей женой. Будет она крепко уговаривать тебя вернуть ей одежду, ты не поддавайся. И потом, когда ты будешь жить с ней, поступай так же. Забудешь, что я сказал, — потеряешь жену…

И голос умолк. Долго сидел на берегу Хордей удивлённый: то ли померещился ему голос Байкала, то ли пригрезился во сне. Однако решил всё делать, как запомнил.

И вот на рассвете он услышал в небе свистящий шум могучих крыльев, и на берег опустилась стая белоснежных лебедей.

Сбросили они свой лебединый наряд и превратились в прекрасных девушек. Они с весёлыми криками, резвясь, кинулись в море.

Глаз не мог оторвать Хордей от красавиц, и особенно очаровала его одна девушка-лебедь, самая красивая и молодая. Опомнившись, Хордей выбежал из-за скалы, схватил лебединое платье красавицы и быстро спрятал в пещере, а вход завалил каменьями.

На восходе солнца, вдоволь накупавшись, девушки-лебеди вышли на берег и стали одеваться. Только одна из них не нашла своей одежды на месте.

Испугалась она, жалобно запричитала:

— Ой, где вы мои нежные, лёгкие пёрышки, где мои быстролётные крылышки? Кто их похитил? О, какая я, Хонг, несчастная!

И тут она увидела Хордея. Поняла, что это его рук дело. Подбежала девушка-лебедь к нему, упала на колени и со слезами на глазах стала просить:

— Будь добр, славный мо́лодец, возврати мне мою одежду, за это я буду тебе век благодарна. Проси чего хочешь — богатства, могущества, я дам тебе всё.

Но Хордей твёрдо сказал ей:

— Нет, прекрасная Хонг! Мне ничего и никого не надо, кроме тебя самой. Я хочу, чтобы ты стала моей женой.

Заплакала девушка-лебедь пуще прежнего, стала умолять Хордея, чтобы он отпустил её. Но Хордей стоял на своём.

А все подруги её между тем уже оделись и превратились в лебедей. Хонг они не стали ждать, поднялись в воздух и с прощальными жалобными криками полетели прочь. Помахала им рукой лишённая одежды девушка-лебедь, залилась горючими слезами и села на камень. Хордей стал утешать её:

— Не плачь, прекрасная Хонг, мы будем с тобой хорошо жить, дружно. Я буду любить тебя и заботиться о тебе.

Делать нечего — успокоилась девушка-лебедь, вытерла слёзы с глаз, встала и сказала Хордею:

— Что ж, видно, судьба моя такая, я согласна быть твоей женой. Веди меня к себе.

Счастливый Хордей взял её за руку, и они пошли.

С того дня Хордей зажил на Ольхоне со своей супругой Хонг дружно и счастливо. У них родилось одиннадцать сыновей, которые выросли и стали родителям хорошими помощниками. А потом у сыновей появились семьи, жить Хордею стало ещё веселее, внуки и внучки не давали ему скучать. Радовалась, глядя на своё потомство, и красавица Хонг, которую не старили и годы. Она тоже любила нянчиться с внучатами, рассказывала им всякие сказки, задавала мудрёные загадки, учила всему хорошему и доброму, наставляла:

— Будьте в жизни всегда такими, как лебеди, верными друг другу. Запомните это, и когда подрастёте, сами поймёте, что означает верность.

А однажды, собрав всех внучат к себе в юрту*, Хонг обратилась к ним с такими словами:

— Хорошие, славные мои ребятушки! Я всю жизнь отдала только вам и теперь могу умереть спокойно. А я скоро умру, я чувствую это, хотя и не старею телом — стареть я буду в другом обличье, чему я должна сохранить верность и от чего я когда-то была оторвана. И я верю, что вы не осудите меня…

О чём говорила бабушка и что у неё было на уме, внучата мало поняли. Но вот стал примечать старик Хордей, что его прекрасная супруга начала всё чаще и чаще тосковать, задумываться о чём-то и даже украдкой плакать. Зачастила она ходить и на то место, где когда-то Хордей похитил её одежду. Сидя на камне, она подолгу глядела в море, слушала, как неугомонно гремел у её ног холодный прибой. Мимо

---

* Жилище из жердей и выделанных шкур животных или ткани, которое легко разбирать и перевозить с собой.

по небу проплывали угрюмые тучи, и она тоскующими глазами провожала их.

Не раз пытался Хордей узнать от жены причину её грусти, но она всегда отмалчивалась, пока, наконец, сама не решилась на откровенный разговор. Супруги сидели в юрте около огня и вспоминали всю свою совместную жизнь. И тут Хонг сказала:

— Сколько лет прожили мы с тобой, Хордей, вместе и никогда не ссорились. Я родила тебе одиннадцать сыновей, которые продолжают наш род. Так неужели же я не заслужила от тебя на закате своих дней хоть небольшого утешения? Почему, скажи, ты и сейчас скрываешь мою давнюю одежду?

— А зачем тебе эта одежда? — спросил Хордей.

— Хочу ещё раз стать лебедью и вспомнить свою молодость. Так порадуй же меня, Хордей, позволь хоть немного побыть прежней.

Долго не соглашался Хордей и отговаривал её не делать этого. Наконец, пожалел свою любимую жёнушку и, чтобы утешить её, отправился за лебединым платьем.

О, как обрадовалась возвращению мужа Хонг! И когда она взяла в руки своё платье, она стала ещё моложавее, просветлела лицом, засуетилась. Старательно приглаживая залежавшиеся перья, Хонг нетерпеливо готовилась надеть

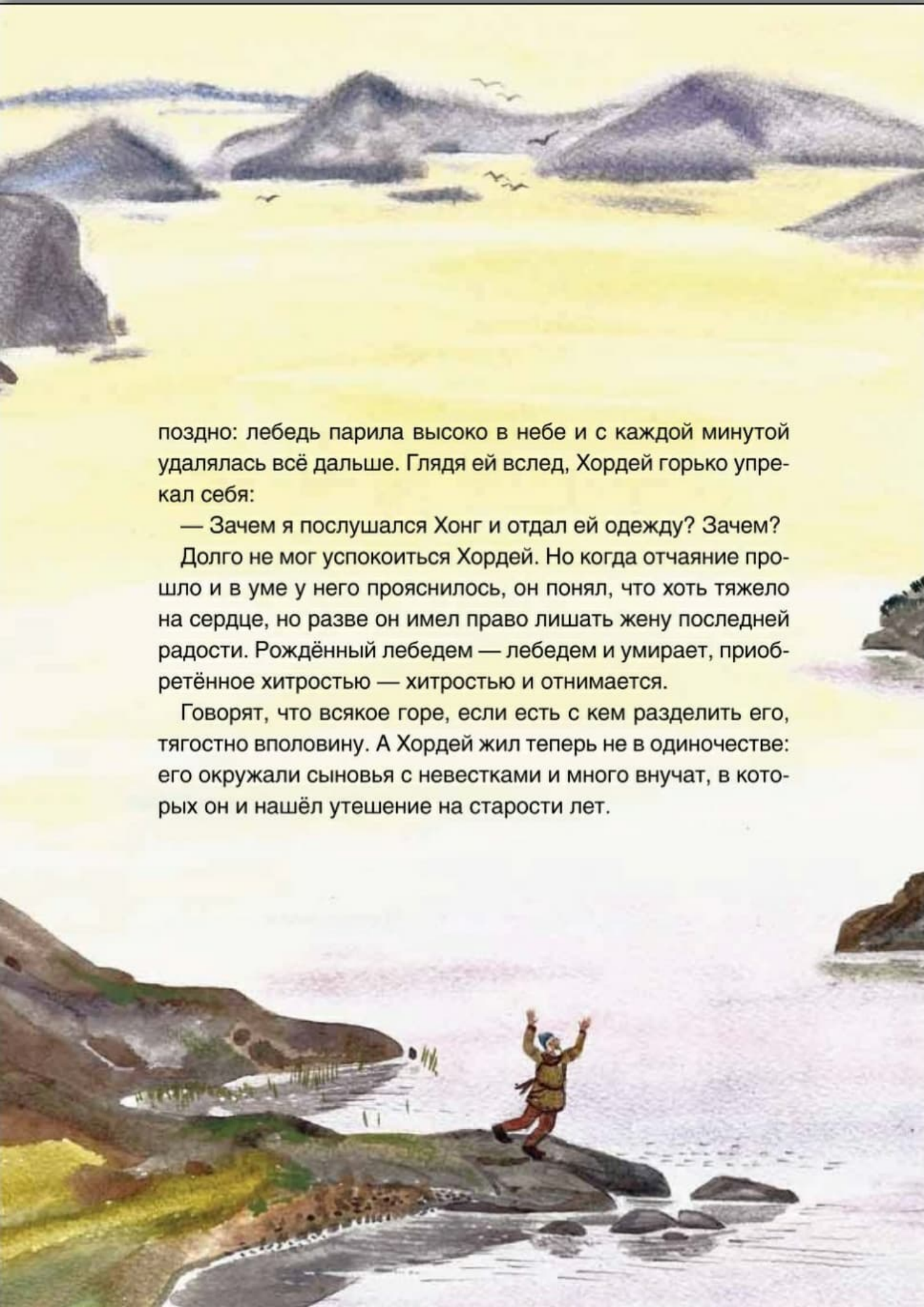
оперение на себя. А Хордей в это время варил в восьмиклеймёной чаше баранину. Стоя около огня, он внимательно следил за своею Хонг. Радовался он тому, что она стала такой весёлой и довольной, но в то же время почему-то тревожился.

Вдруг Хонг обернулась лебедью.

— Ги! Ги! — пронзительно закричала она и стала медленно подниматься в небо, всё выше и выше.

И тут вспомнил Хордей, о чём предупреждал его Байкал.

Заплакал от горя бедняга Хордей и выбежал из юрты, всё ещё надеясь вернуть жену к домашнему очагу, но было уже

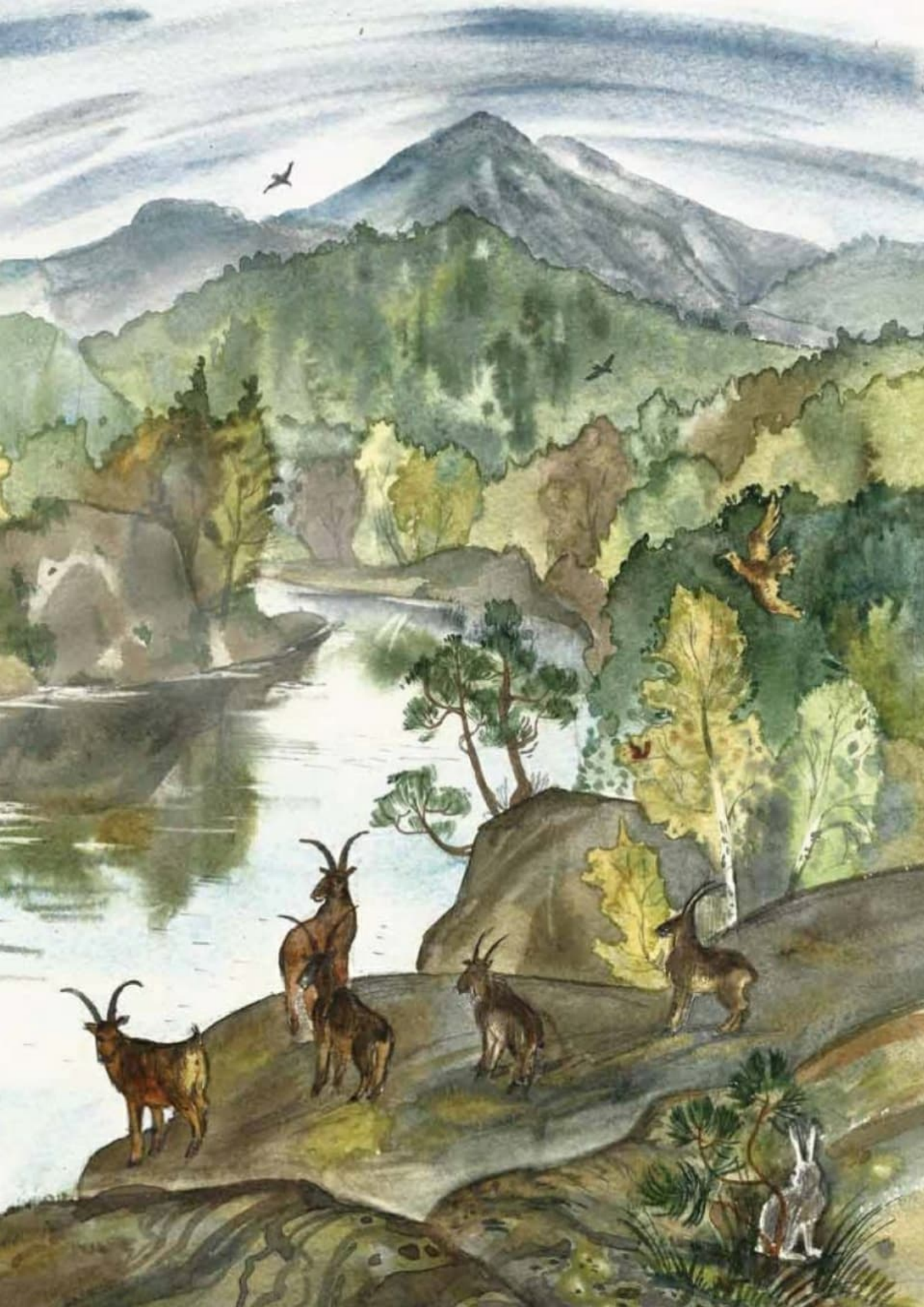


поздно: лебедь парила высоко в небе и с каждой минутой удалялась всё дальше. Глядя ей вслед, Хордей горько упрекал себя:

— Зачем я послушался Хонг и отдал ей одежду? Зачем?

Долго не мог успокоиться Хордей. Но когда отчаяние прошло и в уме у него прояснилось, он понял, что хоть тяжело на сердце, но разве он имел право лишать жену последней радости. Рождённый лебедем — лебедем и умирает, приобретённое хитростью — хитростью и отнимается.

Говорят, что всякое горе, если есть с кем разделить его, тягостно вполовину. А Хордей жил теперь не в одиночестве: его окружали сыновья с невестками и много внучат, в которых он и нашёл утешение на старости лет.



Волшебные рога Огайло

В одном бурятском улусе* Подлеморья жили два брата-близнеца Гамбо и Бадма. С ними находилась и мать Аюна. И пятистенная юрта внутри вся была украшена рогами сохатых, козерогов** и северных оленей. Гамбо славился как самый искусный, смелый и выносливый охотник, а вот Бадма с детских лет лежал на шкурах без движения, болел какой-то неведомой болезнью, и за ним нужен был уход.

А как любил Гамбо своего брата! И Бадма отвечал ему любовью, но часто жаловался:

— Смогу ли я когда-нибудь быть полезным тебе и матери?

— Не беспокойся, Бадма, придёт время — и ты выздоровеешь, я верю в это.

— Нет, Гамбо, видно, мне никогда уже не подняться. Лучше умереть скорее, чем быть вам в тягость.

— Не говори так, Бадма, не обижай меня и мать. Терпи! Всему своё время.

---

* Посёлке.

** Горных козлов.

Вот как-то раз Гамбо собрался на охоту и сказал брату:

— Хочу добыть тебе свеженинки-баранинки. Не скучай без меня.

А было это в ту пору, когда в тайге и гольцах* Баргузинского хребта водилось много снежных баранов-аргали, на которых и охотился Гамбо.

Долго шёл он на этот раз таёжной звериной тропой, пока она не привела его в ущелье между скал. И тут он увидел на скале одного из снежных баранов.

---

* На вершинах скал.

Какой это был крупный, стройный и могучий баран! Голову его украшали большие, толстые, завитые рога, кольца на которых показывали, что барану немало лет. Ведь каждый год на рогах прибавляется по кольцу, и чем больше становятся рога, тем они тяжелее.

Вскинул ружьё Гамбо, прицелился и выстрелил. Но что это?

Баран только повернул голову в сторону охотника и остался стоять на месте. Гамбо выстрелил второй раз — баран лишь встряхнул головой, спокойно огляделся и стал взбираться выше в горы.

Гамбо опешил. В меткости своей он никогда не сомневался, а тут — на тебе! Было отчего прийти в замешательство. И он решил, что это заколдованный, неуязвимый баран.

— А ты верно определил, — услышал Гамбо голос с вершины утёса. — Тебе одному

посчастливилось увидеть Огайло, любимца хозяйки баргузинской тайги Хэтен.

Глянул вверх Гамбо и ещё больше удивился, увидев на месте, где только что стоял снежный баран, красивую девушку в шкуре рыси.

— Ты кто такая? — придя в себя, спросил Гамбо.

— Я — Янжима, прислужница Хэтен, — ответила девушка. — И я тебя предупреждаю: не гонись за Огайло, он тебе всё равно не достанется. Зря будешь стараться. Да и зачем? Ты и так, без рогов Огайло, здоров и силён, как богатырь.

— А при чём здесь эти рога? — насторожился Гамбо.

— Не притворяйся, будто не знаешь, — усмехнулась Янжима. — Тебе хочется добыть их, чтобы стать самым сильным и могущественным из людей.

— Не понимаю, — смутился Гамбо.

— И понимать тут нечего. Огайло носит волшебные рога, они налиты целебными соками, способными даровать человеку здоровье и богатырскую

силу. А сам Огайло, пока носит их, неуязвим. Так что уходи отсюда, пока цел.

Сказала это Янжима и скрылась в расщелине утёса. Постоял немного в раздумье Гамбо и покинул ущелье. Этого и ожидала Янжима. Взмахнула она жёлтым платочком, и в тот же миг на небе появилось белое серебристое облачко, а на нём — неписаной красоты девушка в одеянии цвета утренней зари и в серебристых мехах. Спустилась она с облака на землю и спросила девушку в шкуре рыси:

— Что скажешь, Янжима?

— О, лучезарная повелительница, обладательница всех богатств баргузинской тайги, прекрасная Хэтен! Я должна тебе сообщить, что здесь появился смелый охотник, который гоняется за твоим Огайло. Он может заарканить его или достать петлёй!

— Ему нужны волшебные рога барана? — задумчиво произнесла Хэтен. — А вдруг это злой человек? Ты, Янжима, не должна допустить, чтобы рога Огайло достались охотнику.

И Хэтен вернулась на своё облако.

Домой Гамбо вернулся огорчённым, хотя и добыл, как обещал Бадме, баранины-свеженины. Его удручало то, что он упустил снежного барана с волшебными рогами! Ведь они могли бы поставить брата на ноги! «А всё-таки я его добуду!» — дал себе слово Гамбо и приступил к сборам.

Перед тем как отправиться к баргузинским гольцам, Гамбо наказал Аюне:

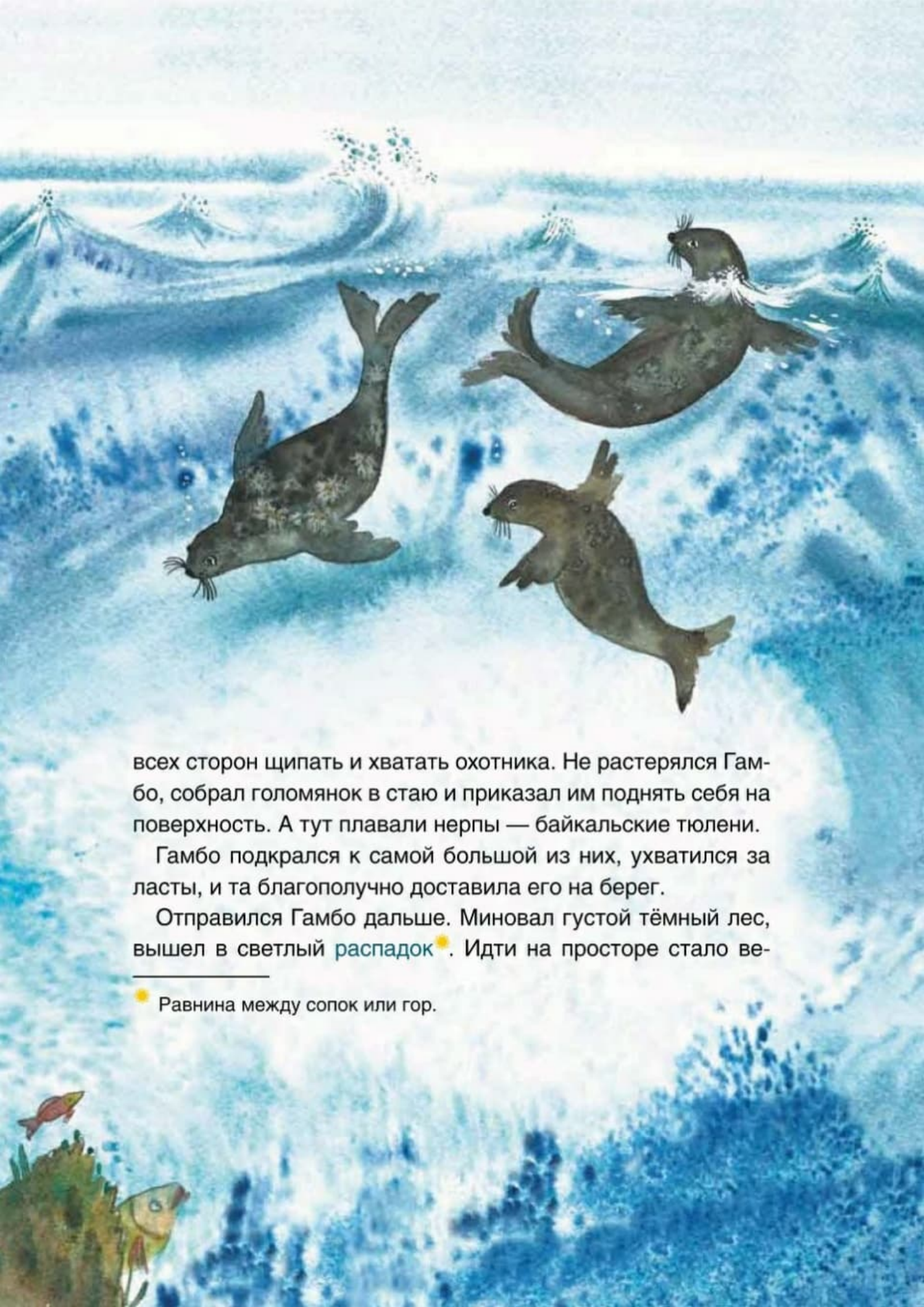
— Береги, мать, Бадму, ухаживай за ним, обнадёживай…

Взял Гамбо с собой необходимые для лова снасти и пошёл берегом Байкала. И тут сразу же подул ветер, да такой сильный, что идти стало невозможно.

«Какая-то сила препятствует мне», — подумал Гамбо, но назад и шагу не сделал, вперёд прорывался. Где ему было знать, что это Янжима приступила к делу!

Кое-как Гамбо достиг густого соснового бора, но тут его схватили крючковатые ветки сосен и, чтобы поднять Гамбо выше, сами вытянулись — даже корни наружу повылезали. А песок с берега засыпал глаза Гамбо. Заскрипели, затрещали сосны, раскачали охотника и бросили его далеко в море, а сами так и остались стоять на корнях, как на ходулях.

Упал Гамбо в холодные воды Байкала и погрузился на самое дно. Откуда ни возьмись появились глубоководные голомянки — прозрачные как стекло рыбки, и стали они со



всех сторон щипать и хватать охотника. Не растерялся Гамбо, собрал голомянок в стаю и приказал им поднять себя на поверхность. А тут плавали нерпы — байкальские тюлени.

Гамбо подкрался к самой большой из них, ухватился за ласты, и та благополучно доставила его на берег.

Отправился Гамбо дальше. Миновал густой тёмный лес, вышел в светлый распадок*. Идти на просторе стало ве-

---

* Равнина между сопок или гор.

селее. Но к вечеру над распадком нависла чёрная тяжёлая туча. И вокруг стало пасмурно. Поглядел вверх Гамбо и ужаснулся: у тучи оказалась большая лохматая голова с глубокими, тускло мерцавшими глазами и приплюснутым носом. И заговорила эта голова глухим устрашающим голосом:

— Вернись назад, строптивый охотник, или я — Вечерняя Туча — оболью тебя сейчас так, что ты промокнешь до костей и за ночь окоченеешь до смерти!

Гамбо рассмеялся:

— Не пугай, не боюсь тебя!

В ответ сверкнула молния, ударил гром, и туча разразилась небывалым водяным потоком. Такого дождя Гамбо ещё не видел, но страху не поддался. Разделся он и всю ночь растирал своё тело. Под утро дождь стих, но внезапно появился густой туман. И у тумана оказалась большая

голова с выпуклыми серо-пепельными глазами и толстым белёсым носом и молочно-белыми волосами. И заговорила эта голова скрипучим холодным голосом:

— Я — Утренний Туман — повелеваю тебе, дерзкий охотник, уходи отсюда или я задушу тебя!

И пухлые руки тумана потянулись к шее Гамбо.

— Нет, не дамся я тебе! — вскричал Гамбо и стал бороться с туманом. Час, другой боролся — не выдержал туман, уполз в горы.

На небе появилось белое серебристое облачко, а на нём — сама Хэтен, вся в розовом.

— Зачем тебе, храбрый и сильный охотник, понадобились волшебные рога моего Огайло? Ты и без них — богатырь богатырём! — обратилась она к Гамбо.

«О, так это же сама Хэтен, хозяйка баргузинской тайги!» — догадался Гамбо. Ответил чистосердечно:

— Не для себя, для брата больного стараюсь.

— Это хорошо, — просияла Хэтен. — Забота о других похвальна. Значит, ты — хороший человек! А как тебя зовут?

— Гамбо, охотник Подлеморья.

— Так продолжай же свои поиски, Гамбо. Сказала так и повернула облако назад, уплыла дальше к гольцам.

— О, прекрасная повелительница Хэтен! — такими словами встретила госпожу девушка в шкуре рыси. — Я всё делала для того, чтобы этот упрямец-охотник отступился от задуманной затеи, но его не останавливают никакие преграды!

— Они бессильны против него, — задумчиво произнесла Хэтен.

— И я признаюсь тебе, Янжима: мне нравится этот охотник. Сила его покорила меня. Я люблю сильных и благородных людей.

— Что ты говоришь, прекрасная Хэтен! — возмутилась Янжима.

— Неужели ты допустишь, чтобы этот пришелец стал обладателем волшебных рогов Огайло? Они же принадлежат только тебе!

— Верно говоришь, Янжима. Но что я могу поделать! Я полюбила этого смелого, сильного охотника.

— Хэтен, одумайся! — вскричала Янжима. — Ведь одолеть его — это в твоих силах… Достоин ли он твоей любви?

— Да, достоин! — твёрдо сказала Хэтен. — И пусть он стремится сюда, посмотрим, что будет дальше.

Гамбо между тем шёл и шёл через буреломы и лишайники, через бурные стремительные потоки и каменные россыпи к заветной цели. Показалось знакомое ущелье. Глянул на утёс Гамбо и обомлел: на нём стоял, как и прежде — спокойно, тот самый неуязвимый снежный баран.

«Огайло! — воспрянул духом Гамбо. — Ну, теперь ты не уйдёшь от моего аркана, — заговорил Гамбо. — Я скраду тебя во что бы то ни стало и вернусь с волшебными рогами к брату: быть ему здоровым и сильным!»

— Не утруждай себя напрасно, Гамбо, — послышался из расщелины голос Хэтен. — Подойди ко мне, я сама подарю тебе волшебные рога Огайло.

Чего-чего, а этого никак не ожидал Гамбо! Едва владея собой от волнения, он послушно поднялся на утёс.

— Не замечаешь перемены? — спросила Хэтен охотника, кивая на Огайло.

На голове барана красовались обыкновенные рога, а волшебные держала в руках Хэтен.

— На доброе дело и доброму человеку добра не жаль.

— О, как ты сама добра, Хэтен, — осмелел Гамбо. — И как я тебе благодарен! Чем же я смогу отплатить тебе за твою доброту!

— А может, она и для меня обернётся добротой, — загадочно сказала Хэтен. — Ведь благодарна-то я!

— Кому же?

— Моему Огайло!

Хэтен подошла к снежному барану и обняла его за шею.

— А ему-то за что? — спросил Гамбо.

— За то, что он привёл меня к встрече с тобой. Взмахнула Хэтен жёлтым платочком, и облако опустилось с неба.

— Вот мы сейчас и отправимся к тебе, Гамбо, — сказала Хэтен и обратилась к Янжиме: — Не забудь взять с собой заветное одеяние!

Сели они втроём на облако и поплыли по небу. Внизу под ними щетинилась тёмно-зелёная тайга, извилистыми серебряными ленточками тянулись реки. И далеко позади остался утёс, на котором стоял и глядел вслед удалявшемуся облаку снежный баран.

— Прощай, Огайло! — помахала ему рукой Хэтен. — Ты не будешь на нас в обиде: в дар тебе я оставляю недоступное для охотников пастбище, где ты будешь в полной безопасности и как вожак любим всеми твоими сородичами.

Приблизился берег моря. И видит Гамбо — стоит внизу около юрты его мать, Аюна, и смотрит вверх.

— Встречает нас! — сказал Гамбо и помахал ей рукой.

Опустилось облако, сошли на землю с волшебными рогами Гамбо, Хэтен вся в розовом и Янжима в шкуре рыси, а само облако тут же бесследно растаяло.

— Дети вы мои родные, как я вам всем рада! — запричитала Аюна. — Проходите в юрту!

Гамбо первым делом подбежал к лежащему на шкурах брату.

— Ну, Бадма, достал я тебе рога снежного барана. Быть тебе богатырём! — и подвесил рога над изголовьем постели брата.

Прошёл месяц. За это время Бадма встал на ноги и превратился в крепкого и сильного богатыря.

Выздоровление Бадмы стало настоящим праздником.

В честь его Янжима сбросила с себя шкуру рыси, надела пышное, усыпанное блёстками золота одеяние.

Преобразившись, Янжима стала ещё прекраснее.

Увидев её в таком наряде, Бадма не смог сдержаться от восхищения:

— Прекраснее тебя нет цветка, Янжима! Какое счастье хотя бы только разок посмотреть на тебя!

— А почему бы не всегда? — слукавила Янжима.

Так оно и вышло. Вскоре сыграли две свадьбы. И не было на свете людей счастливее Гамбо с Хэтен и Бадмы с Янжимой. Часто потом вспоминали они о злоключениях в баргузинской тайге охотника за волшебными рогами и поминали добрым словом Огайло — неуязвимого снежного барана.

Чайка-Необычайка

Это случилось на Байкале в одну глубокую холодную осень, после сильного урагана, когда все птицы давно уже улетели на юг.

Проснулся на зорьке старый рыбак Шоно от странного крика чайки, никогда не слыхал он такого громкого, такого тоскливого крика. Выскочил он из юрты и увидел в небе огромную и диковинную чайку, такой он раньше не видывал.

Необычных размеров чайку занесло на Байкал свирепым осенним ураганом. И она с первого же дня сильно затосковала по родному Ледовитому океану, потому что была полярной чайкой и никогда не покидала севера. Такие чайки все времена года проводят на своей родине и на юг не улетают.

Где Шоно было понять, что птицу постигло большое горе. И он заспешил поскорее уйти домой.

В скором времени об этой необыкновенной чайке, что наводила на всех щемящую тоску своими криками, узнали не только рыбаки Славного моря, но и охотники прибайкальской тайги и гор. И прозвали её за необыкновенную величину Чайкой-Необычайкой.

А шаманы поспешили объявить, что злополучная птица — это нечистая сила, жестокосердная вещунья грядущих бед и несчастий.

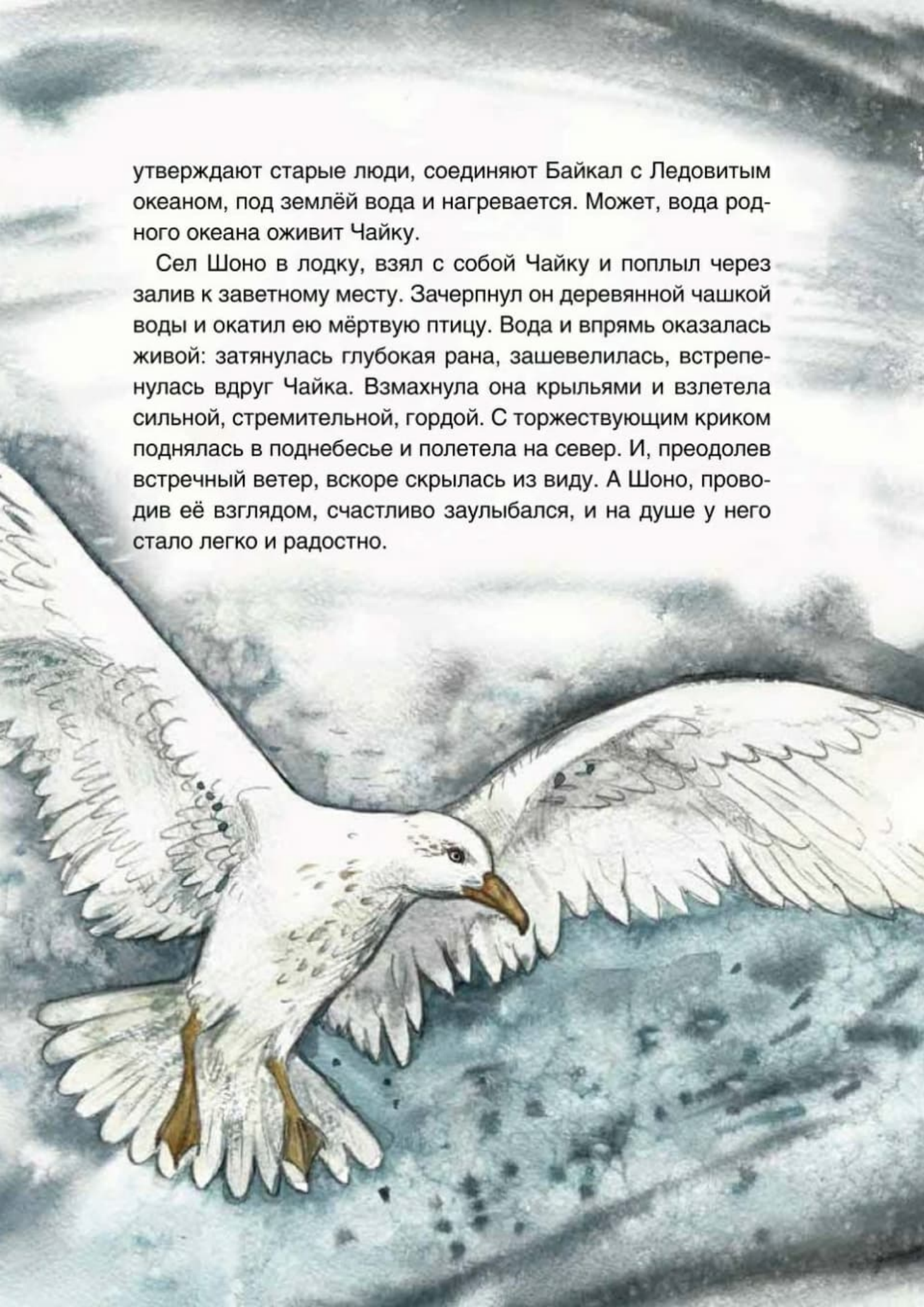
Несмотря на то что на море, богатом рыбой, было просторно и привольно, Чайке грезились огненно-радужные всполохи далёкого северного сияния, полярный глухой снегопад, завывание пурги, лай и бег голубых песцов, могучий прибой студёных волн океана и грозное шуршание блуждающих ледяных гор.

Всеми силами стремилась Чайка вернуться на свою родину. Но много дней бушевали свирепые северные ветры и отбрасывали её за байкальские хребты. Но вот она собрала последние силы, ещё раз поднялась в небо и полетела над пустынной бухтой. И так печально и надрывно кричала она, что старый Шоно не вытерпел, схватил ружьё и выстрелил в Чайку.

Упала она на прибрежный песок, залитая кровью, и замолкла.

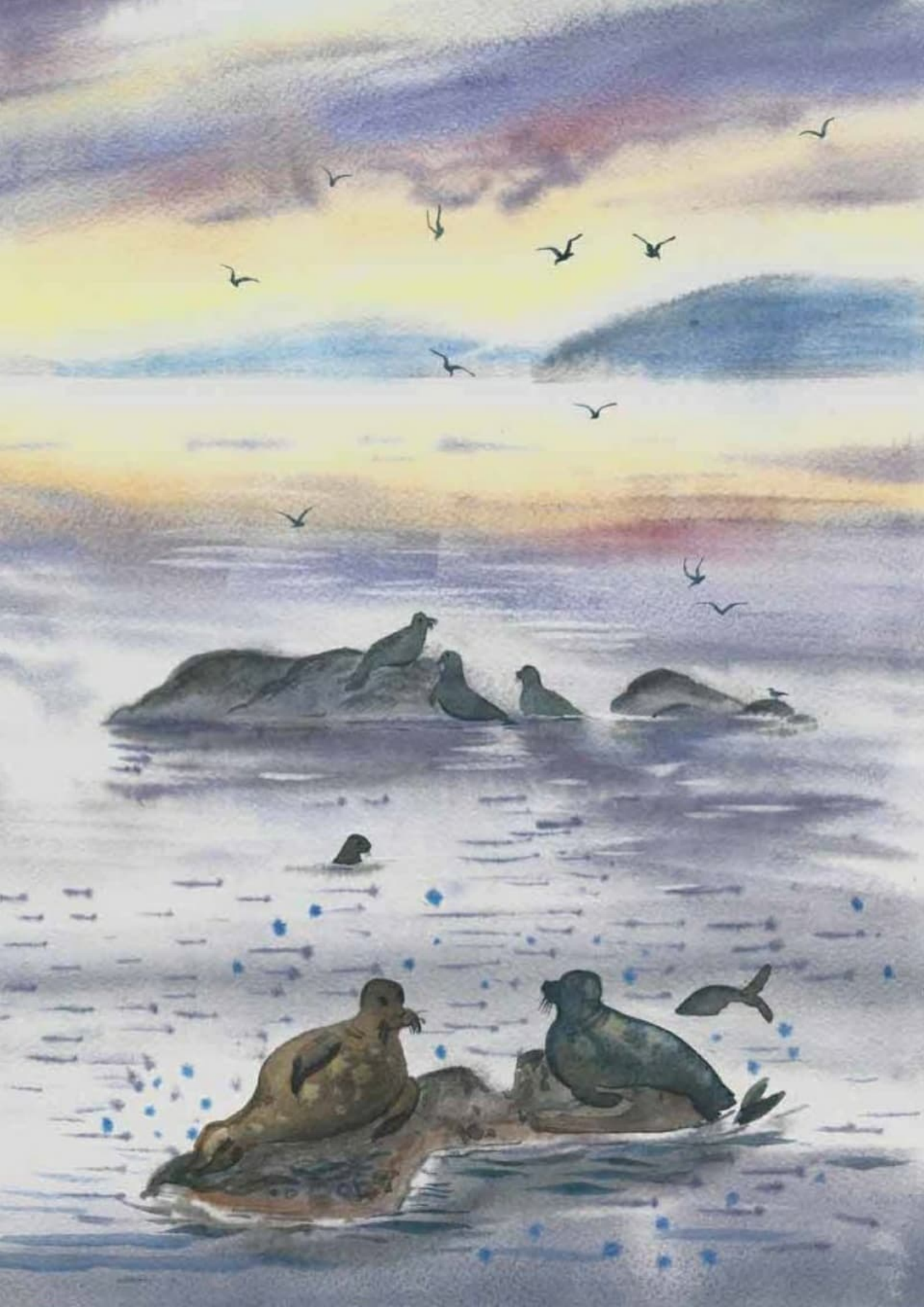
Подошёл Шоно к убитой птице, а как поглядел на неё, так защемило сердце у него от жалости и боли. Заметил он в глазах Чайки чистые, как родниковая вода, слёзы… На оболочках её неподвижных глаз увидел он застывшие радужные всполохи холодного северного сияния… И понял тогда Шоно, какую непростительную сделал ошибку, что поверил шаманам и убил Чайку-Необычайку. Долго стоял он над ней, жалея её и не зная, что делать дальше.

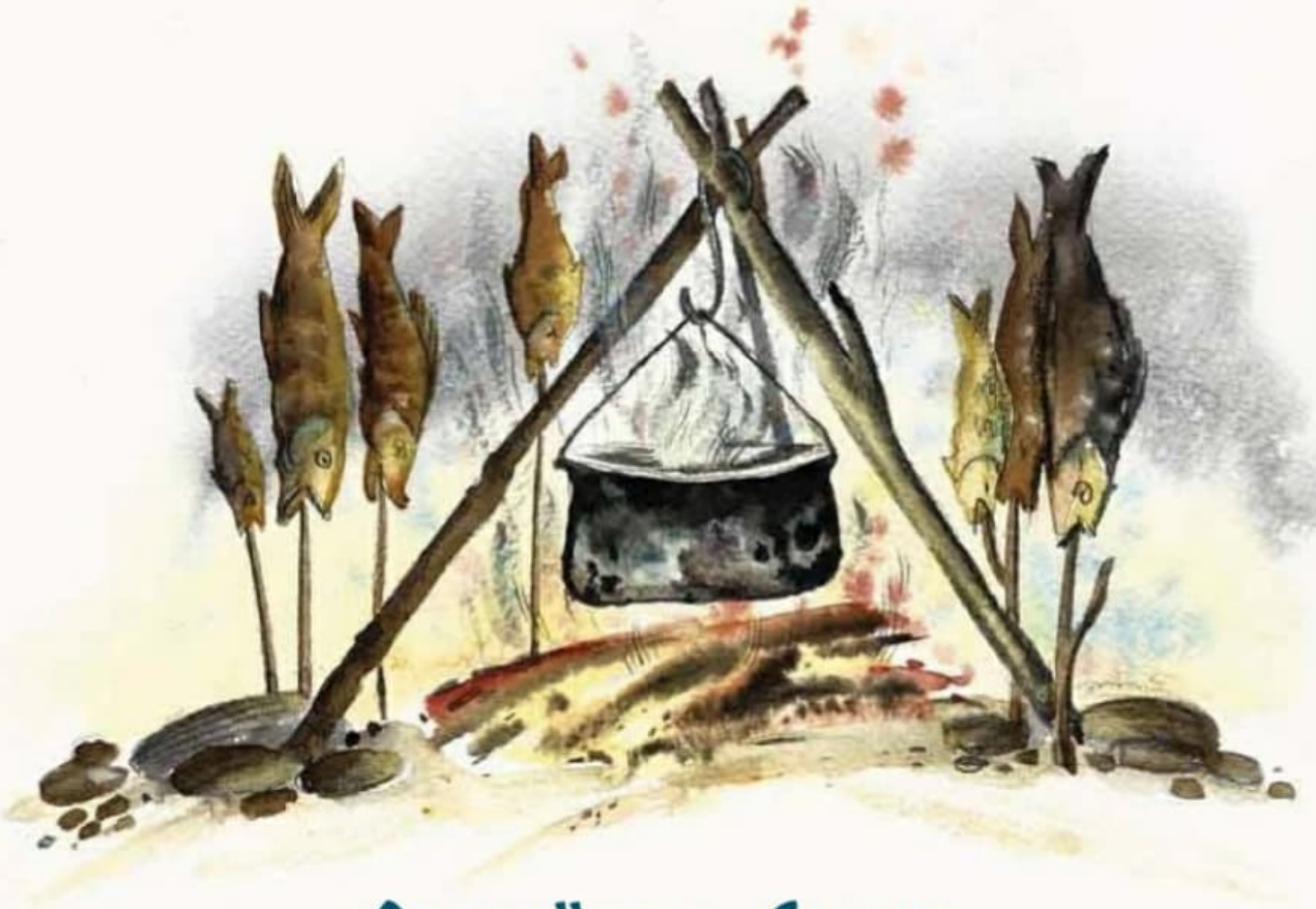
И тут вспомнил он, что есть на берегу Байкала такое место, откуда бьют чудесные горячие целебные ключи. А поднимаются они из глубин земли по ходам, которые, как



утверждают старые люди, соединяют Байкал с Ледовитым океаном, под землёй вода и нагревается. Может, вода родного океана оживит Чайку.

Сел Шоно в лодку, взял с собой Чайку и поплыл через залив к заветному месту. Зачерпнул он деревянной чашкой воды и окатил ею мёртвую птицу. Вода и впрямь оказалась живой: затянулась глубокая рана, зашевелилась, встрепенулась вдруг Чайка. Взмахнула она крыльями и взлетела сильной, стремительной, гордой. С торжествующим криком поднялась в поднебесье и полетела на север. И, преодолев встречный ветер, вскоре скрылась из виду. А Шоно, проводив её взглядом, счастливо заулыбался, и на душе у него стало легко и радостно.





Омулёвая бочка

Случилось это очень давно. Но русские тогда уже промышляли омуля на Байкале и в рыболовецком деле не уступали коренным жителям Славного моря — бурятам да эвенкам.

А первым среди умельцев-добытчиков значился дедко Савелий — недаром в вожаках полжизни проходил и морем кормился сызмальства. Крепко своё дело знал старый рыбак: подходящее место найти и время для лова выбрать верное — это уж из его рук не выскочит. Родову* свою дедко Савелий вёл от рыбаков поселения русского Кабанска, а кто не знает, что кабанские рыбаки по всему Славному морю за самых фартовых считались.

---

* Род.

Излюбленным угодием дедка Савелия был Баргузинский залив, где он и неводил* чаще всего. Плёс** этот близок от Кабанска, но байкальскому рыбаку приходится выезжать зачастую и дальше: в поисках омулёвых косяков на одном месте не засидишься.

Вот здесь-то как-то утром после удачного замёта*** рыбаки позавтракали жирной омулёвой ушицей, напились крепкого чаю и расположились у моря на отдых. И потекла у них беседа о том о сём, а больше — о той же рыбе, о её повадках, о тайнах морских глубин.

А был в этой артели особо пытливый парень, большой охотник послушать бывалых рыбаков, у которых уму-разуму набраться можно. Хлебом молодца не корми, а уж если что запало в душу — дай разобраться, без этого и спать не ляжет, себе и людям покоя не даст.

Звали парня того Гаранькой, и родом он был откуда-то издалека, потому и хотелось ему побольше узнать о Славном море. Неспроста он дедки Савелия держался близко и всё норовил выведать у него что-нибудь, донимал вопросами всякими, а у того и в привычке не было, чтоб с ответом медлить: всегда человека уважит.

И на этот раз Гаранька сидел рядом с дедком Савелием и слушал всё, о чём он рассказывал, а потом вдруг и спросил его:

— А правда, что здешние ветры имеют власть над рыбами?

На это дедко Савелий ответил не сразу. Поглядел он на Гараньку с удивлением и спросил:

— О бочке, что ль, прослышал?

---

* Ловил рыбу неводом, сетью.

** Широкое водное пространство на озере, между островами.

*** Забрасывания сети.

Гаранька того больше удивился.

— О какой такой бочке? Ничего не знаю…

— Есть такая... омулёвая. Особенная она, бочка та. Волшебная...

У Гараньки даже дух захватило от услышанных слов, он и пристал к дедку Савелию:

— Так расскажи о ней. Расскажи, дедко!

Дедко Савелий куражиться* не любил. Набил трубку табаком, раскурил её от уголька и, видя, что не только Гаранька, но и все остальные рыбаки навострили уши, неторопливо начал:

«Дело-то из-за рыбы нашей байкальской получилось, а как давно это было и как это открылось миру, неведомо мне. Старики сказывают, а им вся вера. Над рыбьими угодьями тогда, сказать надо, хозяйничали ветры-великаны — Култук и Баргузин, попервости — хорошие приятели.

А страшилищами были оба — словами не передать! Густые волосы разлохмачены, пеной брызжут почище бесноватых, пойдут гулять по морю — света белого не увидишь! Любили они друг к другу в гости ходить — поиграть, повеселиться. А для забавы была у них одна на двоих игрушка чудесная — омулёвая бочка. На вид простенькая такая, обыкновенная, какие и теперь наши бондари делают, а вот силу-то как раз она имела необыкновенную: куда плывёт она, туда и омули неисчислимыми косяками тянутся, будто в бочку ту сами просятся. Ну, это и забавляло великанов.

---

* Упрямиться.

Налетит на Култука Баргузин, расшумится, выкинет бочку из пучины да и бахвалится:

— Гляди-ка, сколько рыбы нагнал! Видимо-невидимо! Попробуй проворотить!

А Култук выждет своё время, подхватит бочку ту и посылает её обратно со смехом:

— Нет, ты лучше на мои косяки погляди да полюбуйся: чай, побольше будет-то!

Так и вводили они друг друга в задор. Не то чтобы им нужна была эта рыба или за богатство какое они считали её, а просто нравилось им проводить время как можно озорнее. Прикинуть в уме ладом, так будто и не такое уж заманчивое занятие, а вот не надоедало им. И доныне, пожалуй, так перекидывались бы они омулёвой бочкой, да вдруг крутенько повернулась им эта забава.

А получилось вот что.

Полюбили богатыри Сарму, горную богатыршу, хозяйку Малого моря. Оно называется так потому, что от Большого

моря, Байкала, отделяет его остров Ольхон. А у Сармы свой путь по волнам проложен, и если уж разгуляется она каким часом, то добру не бывать: норов-то у неё покруче, чем у Баргузина с Култуком, да и силы побольше. А кого не заманит иметь такую жену.

Вот раз Баргузин и говорит Култуку:

— Хочу жениться на Сарме — сватов засылать буду...

Да не больно-то по сердцу пришлись Култуку такие слова, он и говорит:

— А это уж как ей поглянётся. Я-то ведь нисколько не хуже тебя и тоже хочу, чтоб она была моей женой. Я тоже пошлю своих сватов, а там видно будет, за кого пойдёт Сарма.

На том и порешили. Без спору и обиды, по доброму согласию. А в скором времени и ответ от Сармы принёс баклан — птица морская:

— Замуж выходить меня пока неволя не гонит, но приглядеть жениха надо.

А вы мне нравитесь оба — и видные-то вы, и весёлые. Однако ж кто из вас лучше — судить буду после, когда увижу, кто скорее исполнит моё желание. А желание моё таково: хочу иметь омулёвую бочку, чтобы и моё Малое море кишело рыбой. И кого из вас я увижу с бочкой первым, того и назову своим мужем!

Совсем не хитрым показался богатырям каприз невесты, только и делов — завладеть бочкой, выкинуть её в Малое море, и гуди победу — станешь женихом.

Ан не тут-то было! В той кутерьме, которую подняли ветры-великаны, когда улетел баклан, никак нельзя было определить, кто кого осилит. Только Баргузин ухватится за бочку, как Култук тут же вышибет её и норовит за собой оставить, но через миг бочка снова в руках Баргузина. Ни в какую друг другу уступать не хотят. Так остервенились, что по всему Байкалу слышно было, как они ворочаются и ревут. Да и бочке ладно досталось — только знай поскрипывает да летает с места на место.

Совсем разъярились богатыри, оставили бочку, да и кинулись грудью друг на друга, сцепились, ревут, пеной брызжут. Долго возились, а поскольку силы-то у обоих одинаковые, один другого не может одолеть.

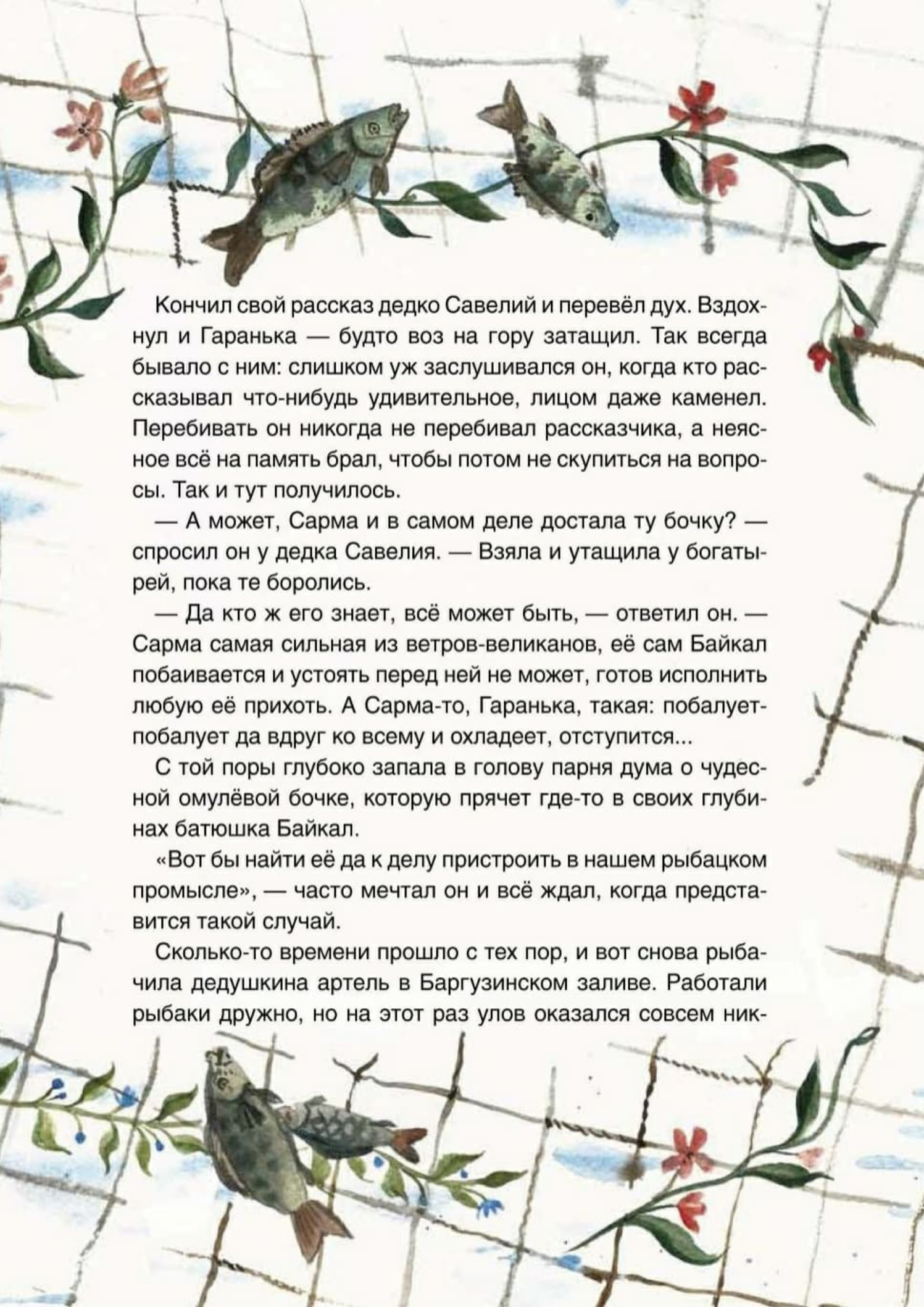
...Уморились, глядь, а бочки-то и не стало вдруг: то ли в воду ушла, то ли в небо улетела...

Пометались, пометались разъярённые ветры-великаны да и затихли, уморились от напрасных поисков. Решили подождать, когда бочка сама появится. А только напрасно на то надеялись: бочки будто и вовсе не бывало. День прошёл, за ним другой, потом недели полетели, месяцы, а бочки всё нет и нет. Ветры-богатыри и понять не могут, с чего так получилось? Измучились от дум да от мук сердечных:

жаль, что игрушку волшебную упустили и Сармы лишились. А потом порешили, что это сам Байкал отобрал у них свой подарок-бочку из-за их раздора и запрятал её в своих глубинах.

Сарма же сперва ждала, чем кончится спор у великанов, а потом послала своего верного баклана передать богатырям, что она ни за кого из них замуж не пойдёт, одной, мол, лучше. Да ещё и посмеялась: какие-де вы богатыри, раз не сумели бочку удержать в своих руках!

Только с тех пор, говорят, в Большом море куда меньше рыбы стало, чем прежде. Вот и думается, что хорошо было бы, коль эта омулёвая бочка нашлась бы, но где она сейчас, никто не знает...».



Кончил свой рассказ дедко Савелий и перевёл дух. Вздохнул и Гаранька — будто воз на гору затащил. Так всегда бывало с ним: слишком уж заслушивался он, когда кто рассказывал что-нибудь удивительное, лицом даже каменел. Перебивать он никогда не перебивал рассказчика, а неясное всё на память брал, чтобы потом не скупиться на вопросы. Так и тут получилось.

— А может, Сарма и в самом деле достала ту бочку? — спросил он у дедка Савелия. — Взяла и утащила у богатырей, пока те боролись.

— Да кто ж его знает, всё может быть, — ответил он. — Сарма самая сильная из ветров-великанов, её сам Байкал побаивается и устоять перед ней не может, готов исполнить любую её прихоть. А Сарма-то, Гаранька, такая: побалует-побалует да вдруг ко всему и охладеет, отступится...

С той поры глубоко запала в голову парня дума о чудесной омулёвой бочке, которую прячет где-то в своих глубинах батюшка Байкал.

«Вот бы найти её да к делу пристроить в нашем рыбацком промысле», — часто мечтал он и всё ждал, когда представится такой случай.

Сколько-то времени прошло с тех пор, и вот снова рыбачила дедушкина артель в Баргузинском заливе. Работали рыбаки дружно, но на этот раз улов оказался совсем ник-

чёмным. И сколько ни заводили невод, а рыбы вытащили, что кот наплакал.

— Так не пойдёт дело, — нахмурился дедко Савелий. — Рыбы здесь нет. Да вроде и не предвидится.

— А не поплыть ли нам в Малое море? — живо встрепенулся Гаранька.

— А что, можно опробовать, — поддержал дед Савелий, — в Куркутскую губу, авось нам там подфартит.

Рыбаки согласились. Приплыли они в Куркутскую губу, поставили шалаш из бересты на берегу и подготовили снасть к замёту.

А плёс такой облюбовали, что краше и не бывает, поди. Тут и скалы могучие да высокие, и тайга-матушка зелёная, а над водой чайки да бакланы летают и кричат. С неба лазоревого солнышко светит и греет ласково, а воздух такой медовый разлит вокруг, что и надышаться невозможно. Однако дедко Савелий, глянув на небо, нахмурился вдруг.

— Не быть сегодня удаче. Видите, над ущельем белые кольцевистые морока* появились, навроде тумана. Непременно вскорости Сарма пожалует.

Гаранька так и обмер.

— Неужели доведётся увидеть богатыршу эту?

— Непременно доведётся.

Сказал это дедко Савелий и велел всё прибрать и запрятать в скалах, а шалаш снести — всё равно-де Сарма разрушит его. И только управились с делами рыбаки, как точно ударил с угрюмых гор сильный ветер и вокруг сразу стало темным-темно.

Зверем заревело Малое море, затрещали на его берегах вековые деревья, со скал полетели в воду огромные камни...

Гараньке хоть и не по себе стало от такой страсти, а любопытство всё же взяло верх, высунулся он осторожно из-за укрытия.

Видит, нависла над морем огромная, будто из дыма сотканная голова женщины, страшная и лохматая. Волосы пепельного цвета с проседью, щеки, что студень, так и трясутся, изо рта пар густой валит, а губы, что мехи кузнечного горна, так волны и вздувают, нагоняют друг на друга.

— Ох, и сила же! — подивился Гаранька и скорей обратно в укрытие полез.

Дедко Савелий улыбнулся:

— Ну, как Сарма? Приглянулась?

---

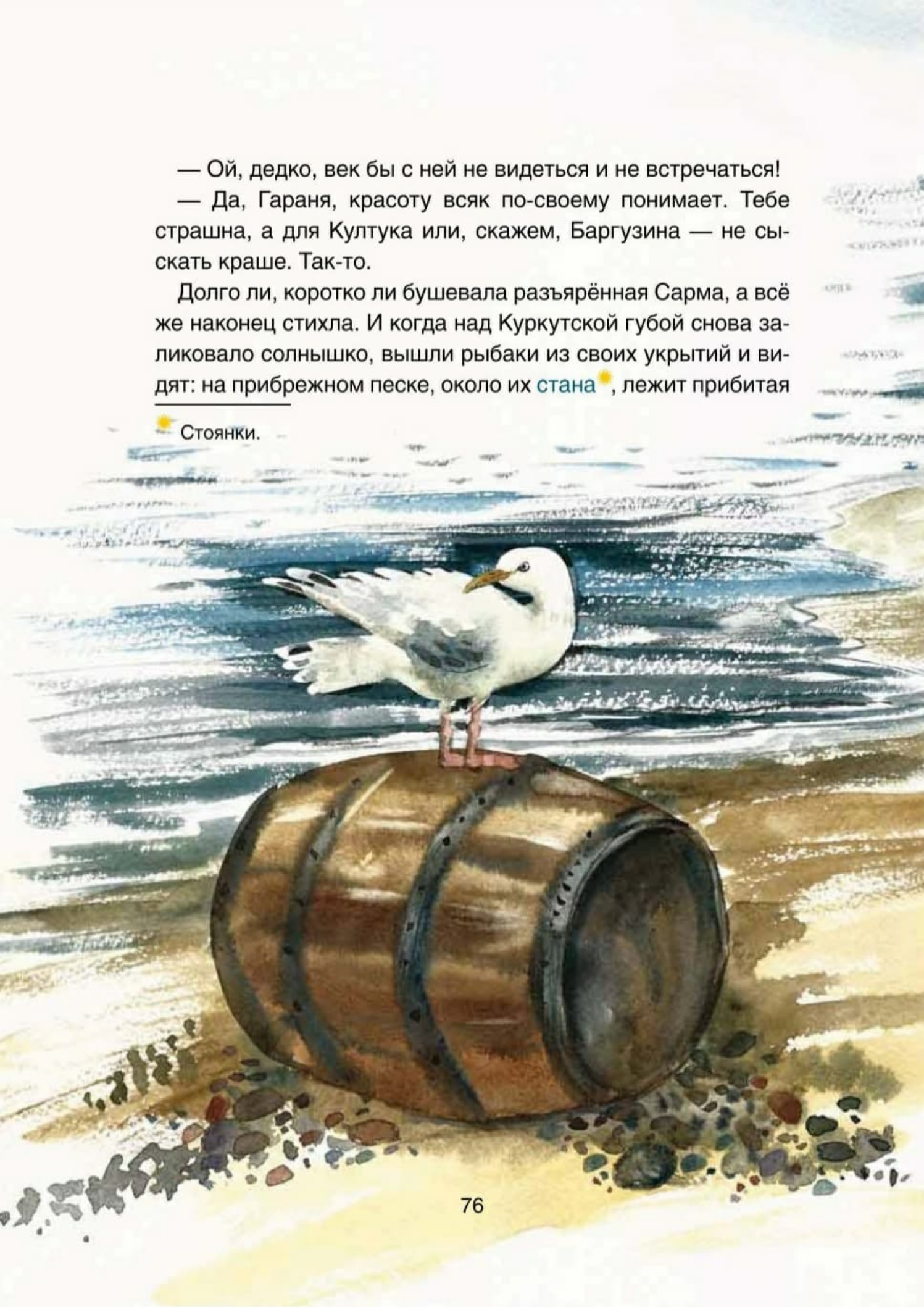
* Облака.

— Ой, дедко, век бы с ней не видеться и не встречаться!

— Да, Гараня, красоту всяк по-своему понимает. Тебе страшна, а для Култука или, скажем, Баргузина — не сыскать краше. Так-то.

Долго ли, коротко ли бушевала разъярённая Сарма, а всё же наконец стихла. И когда над Куркутской губой снова заликовало солнышко, вышли рыбаки из своих укрытий и видят: на прибрежном песке, около их стана*, лежит прибитая

* Стоянки.



волнами какая-то бочка, а на бочке той баклан чёрный, как обугленная головешка, сидит. Но сидел он недолго, поднялся и улетел, а на его место села чайка, белая-белая, и начала клювом копаться в своём крыле.

Рыбаки, конечно, диву дались. И у всех сразу одна дума в голову ударила: уж не та ли это чудесная омулёвая бочка всплыла, которую Баргузин и Култук потеряли в давнишнем споре?

Но вымолвить этого не смеют — глядят на дедка Савелия и ждут, что он скажет.

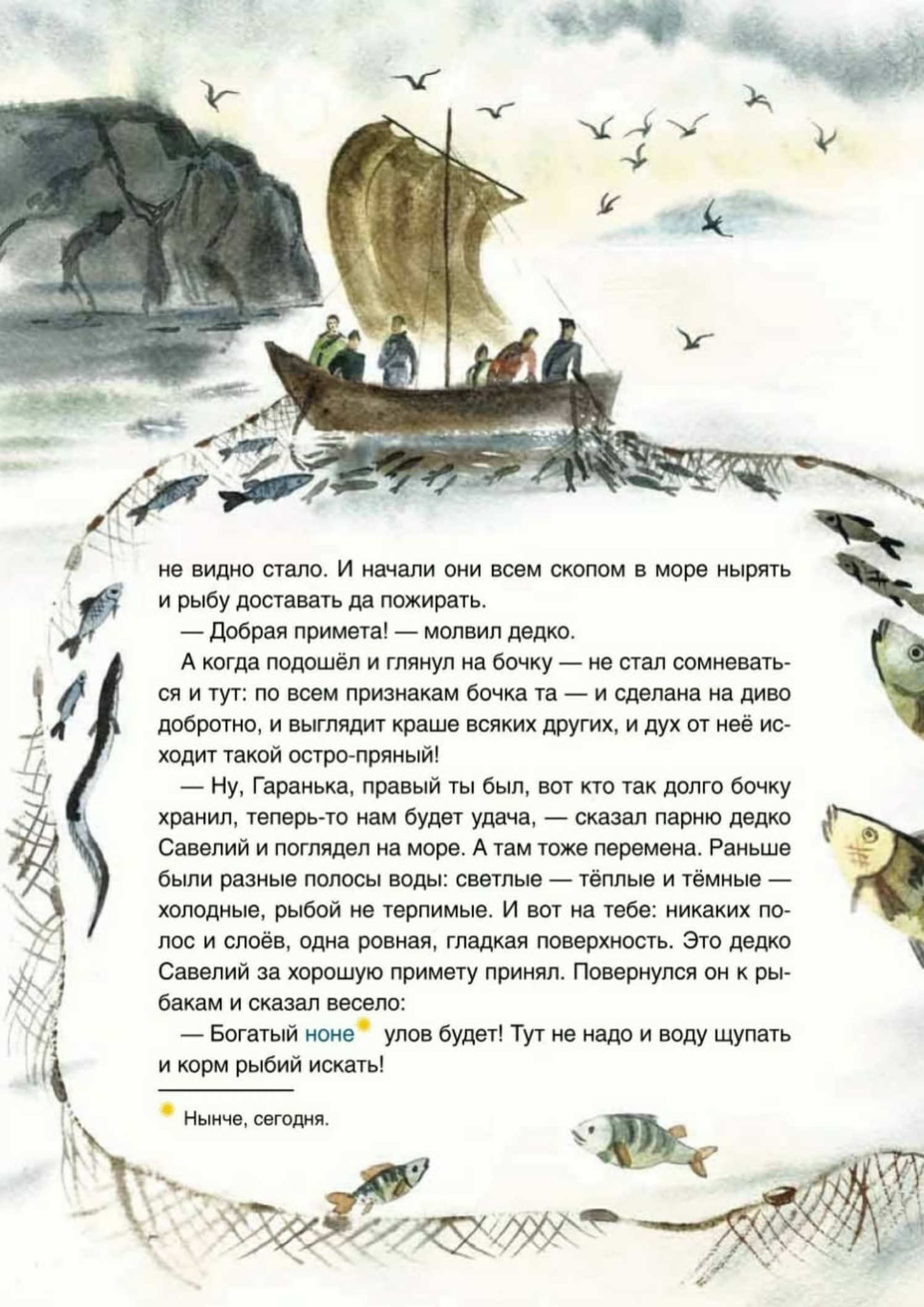
Не хватило терпения у одного лишь Гараньки.

— Дедко... она, поди, а?

А тот и сам оторопел, молчит да посматривает на берег исподлобья. Наконец одумался и команду дал:

— Идите за мной!

И повёл рыбаков на отмель. Чайка, завидя людей, взмахнула крыльями, закричала что-то по-своему да и взмыла в воздух. И тут, откуда ни возьмись, другие чайки, а с ними и бакланы поналетели, и такая их тьма объявилась, что неба



не видно стало. И начали они всем скопом в море нырять и рыбу доставать да пожирать.

— Добрая примета! — молвил дедко.

А когда подошёл и глянул на бочку — не стал сомневаться и тут: по всем признакам бочка та — и сделана на диво добротно, и выглядит краше всяких других, и дух от неё исходит такой остро-пряный!

— Ну, Гаранька, правый ты был, вот кто так долго бочку хранил, теперь-то нам будет удача, — сказал парню дедко Савелий и поглядел на море. А там тоже перемена. Раньше были разные полосы воды: светлые — тёплые и тёмные — холодные, рыбой не терпимые. И вот на тебе: никаких полос и слоёв, одна ровная, гладкая поверхность. Это дедко Савелий за хорошую примету принял. Повернулся он к рыбакам и сказал весело:

— Богатый ноне* улов будет! Тут не надо и воду щупать и корм рыбий искать!

---

* Нынче, сегодня.

И рыбаки принялись за дело: погрузили в мореходку снасти и выехали в море на замёт.

Вот плывут они не спеша и невод помаленьку в воду выбрасывают. А когда выбросили, дедко Савелий крикнул на берег:

— Ходи!

Сам одной рукой кормовое весло к бедру прижимает, правит, а другой бороду приглаживает и улыбается. Удачу чует. Глядя на вожака, и остальные рыбаки готовы чуть ли не песни петь, да удерживаются: не хотят прежде времени радость свою показывать.

Не дремали и оставшиеся на берегу — начали они вертеть вороты* и наматывать на них концы невода, чтобы вытащить его на берег. И тут заметили рыбаки с баркаса, что на плёсе какая-то заминка вышла: остановились люди.

---

* Подъёмные механизмы: барабан и ручка.

— Что там? Заело? — подал голос с кормы дедко Савелий.

— Да нет, — закричали с берега. — Тянуть больше не можем, не под силу!

— Экая напасть приключилась, — удивился вожак, башлык по-местному, и давай торопить гребцов, чтоб поднажали. — Надо помочь ребятам.

И вот уже вся артель за вороты встала.

— А ну, ходи! — скомандовал дедко Савелий.

Приналегли ребята, поднатужились. Что такое? Вороты ни с места. И от помощи никакого толку не вышло. Рыбаки ещё больше удивились и забеспокоились.

— Хилое дело... — вздохнул башлык и даже затылок почесал от досады. Не рад стал, что столько рыбы зачерпнул своим счастливым неводом.

— Не достать ведь, ребята, по всему видать. Что делать будем?

А что оставалось рыбакам? Один и был исход: распороть мотню* и выпустить рыбу на волю. Сколько ни судили, сколько ни рядили, только время дорогое потратили, сошлись всё же на том, чтобы хоть невод пустой вытащить.

Так и сделали. Выехали в море на подъездке, распороли мотню у невода и выволокли его на берег. К вечеру высушили невод и починили. И тут дед Савелий по упрямству своему решил ещё раз испытать счастье — что выйдет. Рыбаки возражать не стали. Но и второй замёт таким же колесом пошёл. Пришлось снова распороть мотню. С тем и заночевали.

Наутро дедко Савелий уже не решился выходить в море, предусмотрителен стал. Но и делать что-то надо было. С пустыми руками возвращаться — кому охота? Собрали совет. Дедко Савелий предложил:

---

* Среднюю часть невода в виде мешка.

— Надо, ребята, волшебную бочку в море пустить. Тогда опять всё пойдёт своим чередом. Согласны, что ль?

Эх, и прорвало тут Гараньку! Вскочил он, закричал:

— Да разве можно бросать такую бочку, дедко? Нам счастье в руки даётся, а мы отказываемся от него! Ведь столько рыбы никому не доводилось видывать! Да с такой бочкой весь свет завалить рыбой можно! Неужели мы такие дураки будем, что выбросим её?

Дедко Савелий выслушал Гараньку спокойно, а потом так же спокойно сказал:

— Чудак ты, Гаранька! Какое же это счастье, если рыбы много, а взять её нельзя? Пусть лучше меньше будет, да всё в руки нам попадёт. Не жадничай, паря*, как жадничала Сарма. Ей-то самой надоело, так нам задачку задала озорница...

И порешили рыбаки чудесную бочку эту в Большое море пустить. Полюбовались и столкнули её в воду.

---

* Парень.

— Пусть по всему Байкалу плавает, а не в одном месте, — махнул рукой дедко Савелий. — Глядишь, лишняя рыба уйдёт в Большое море, и тогда везде будет богато её. А достать рыбу мы всегда достанем, только бы руки да сноровка при нас остались.

А Гаранька совсем в уныние впал, когда увидел, что волны подхватили волшебную омулёвую бочку и понесли её вдаль.

И вдруг из лазоревого море стало тёмным, потемнело и небо, заволоклось тучами, и всё вокруг загудело, заходило ходуном. И волны поднялись такие огромные, что закрыли бочку.

Дедко Савелий нахмурился.

— Баргузин подул, быть нам и сейчас не при деле. Пусть побалует...

Услыхал Гаранька про Баргузина — куда и обида делась! Кинулся к дедку Савелию:

— Неужели и этого богатыря увидеть доведётся?

— А ты на море погляди...

Гаранька глянул — и ахнул: за дальними волнами, там, где море сходилось с небом, поднялась страшная голова с огромными мутными глазами и всклокоченными белопенными волосами, с которых змейками-струями стекала вода. А потом над водой вытянулись крепкие жилистые руки и по всему морю разнеслось:

— Э-гэ-гэй!!!

От богатырского зычного крика море заволновалось ещё пуще, и Гараньке стало не по себе.

— Ох и чудище! Хоть и не Сарма, а боязно...

Но на море глядит, за Баргузином следит. А тот снова:

— Э-гэ-гэй!!!

И тут заметил Гаранька, что в руках Баргузина появилась волшебная омулёвая бочка. И не успел парнишка глазом моргнуть, как бочка эта была отброшена богатырём далеко-далеко.

И в ту же минуту море успокоилось, тучи рассеялись, и над водами снова засияло солнце, а Баргузина и след простыл. Дедко Савелий заулыбался:

— Ну, вот и нашлась волшебная игрушка. Непременно сейчас Култук откликнется...

— И его мы можем увидеть? — разинул рот Гаранька.

— Сдаётся, что так.

И только успел сказать эти слова старый башлык, как море из лазоревого снова стало тёмным, потемнело и небо, заволоклось тучами, и всё вокруг загудело, заходило ходуном. И волны по всему морю поднялись такие огромные, что за ними ничего сперва и не видно было, а только через минуту появилась зелёнокудрая голова другого страшилища, и на всю морскую ширь громовым раскатом пронеслось:

— Э-гэ-гэй!!!

Хоть и ожидал появления Култука Гаранька, а всё же снова страшновато стало. А когда увидел в руках Култука волшебную омулёвую бочку и как тот через минуту кинул её назад, подумал: «Что-то будет теперь!» А ничего и не было. Култук исчез, просветлело, успокоилось море, и всё вокруг озарилось солнечными лучами.

— Вот и славно, ребята, — сказал дедко Савелий. — Видать, Баргузин и Култук забыли ссору. Теперь снова волшебная бочка будет при деле. А у Сармы богатств в Малом море и без бочки хватит...

А на морской поверхности между тем снова разные полосы появились, и светло-голубые — тёплые, и синя-чёрные — холодные. Но эта перемена не обескуражила дедка Савелия.

— Ловить рыбу будем так, как ране ловили,— сказал он. — Потрудимся с честью — добудем рыбы, а нет, так брюхо подтянем. В полдень замечем невод...

И вот в полдень повёл дедко Савелий свою артель в море.

Выметали невод, поплыли назад. На берегу уже концы тянуть начали. Ходко пошло дело!

А что рыбы вытащила на этот раз артель дедка Савелия, так не скажешь словами: видеть надо!

Повеселели рыбаки, ожили. Легко стало на сердце и у дедка Савелия. Повернулся он к Гараньке, усмехнулся и говорит:

— Ну, будешь ещё попрекать меня волшебной бочкой?

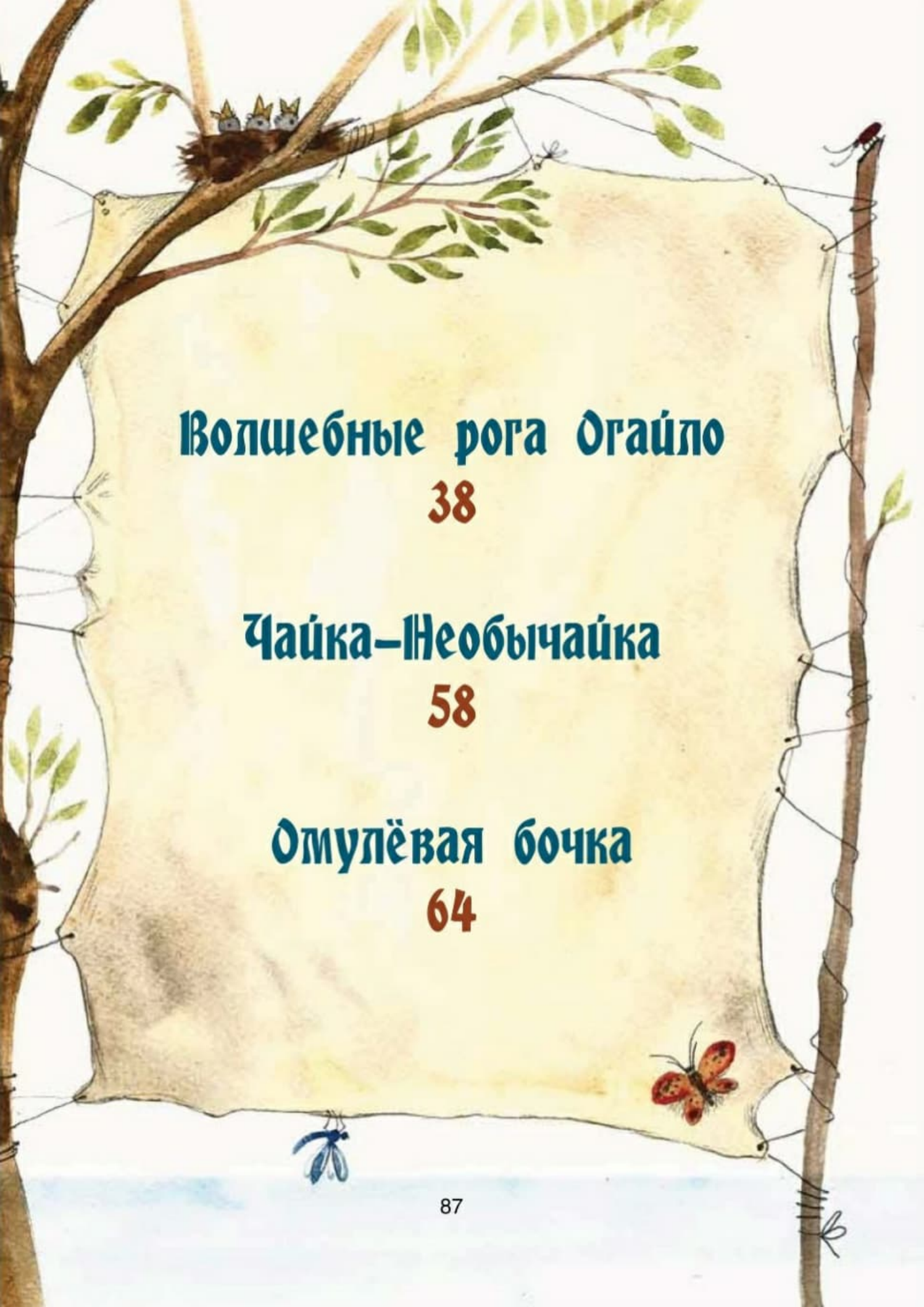
— Нет, дедко, не буду, — весело сказал Гаранька. — Твоё умение волшебнее...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие
4

Ангарские бусы
8

Жена Хордея
24



Волшебные рога Огайло
38

Чайка-Необычайка
58

Омулёвая бочка
64

УДК 82-34(470-571)
ББК 84.2(2Рос=Рус)-442
С77

Стародумов В. П.

С77 Сказки озера Байкал. — СПб.: БХВ-Петербург, 2016. — 88 с.: ил. — (Сказки народов России)

ISBN 978-5-9775-3598-4

Книга познакомит юных читателей со сказками сибирских народов, которые жили на берегах озера Байкал. Через творчество известного иркутского сказочника Василия Пантелеймоновича Стародумова дети смогут узнать об этом крае, его истории, природе, легендах. В книгу вошли сказки: «Ангарские бусы», «Жена Хордея», «Волшебные рога Огайло», «Чайка-Необычайка», «Омулёвая бочка».

УДК 82-34(470-571)
ББК 84.2(2Рос=Рус)-442

Группа подготовки издания:

Главный редактор	*Екатерина Кондукова*
Зам. главного редактора	*Екатерина Трубей*
Зав. редакцией	*Екатерина Капалыгина*
Иллюстрации	*Карины Соловьевой*
Компьютерная верстка	*Карины Соловьевой, Людмилы Гауль*
Корректор	*Зинаида Дмитриева*
Дизайн серии и оформление обложки	*Карины Соловьевой*

Подписано в печать 31.07.15.
Формат 60x90 1/8. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11.
Тираж 3000 экз. Заказ №
«БХВ-Петербург», 191036, Санкт-Петербург, Гончарная ул., 20.

ОАО «Областная типография «Печатный двор»
432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарева, 27.

ISBN 978-5-9775-3598-4

© Стародумов В. П., наследники, 2016
© Соловьева К. Р., иллюстрации, 2016
© Оформление, издательство «БХВ-Петербург», 2016

Между высоких гор, в бескрайней тайге раскинулось самое глубокое в мире озеро Байкал, его ёще называют сибирским морем. Неизведанной и загадочной страной была Сибирь в давние времена — дикая, холодная, пустынная. Немногочисленные племена сибирских народностей — буряты, якуты, эвенки и другие — кочевали по необъятным сибирским просторам. Со временем в эти земли пришли русские первопроходцы. Русские основывали селения и города. Одним из самых крупных и процветающих стал Иркутск. В городе Иркутске жил сказочник Василий Степанович Стародумов. Он любил свой край. И писал о Байкале, о красоте и бездонности «сибирского моря». Василий Степанович знал много бурятских легенд и умел их рассказывать. Послушай их и ты. «У моря нашего Байкала, там, где кедры прильнули к скалам, стоит избушка, но не на курьих ножках, а похожая на неё немножко. Посидим в ней, чайку попьём да и сказку вести начнём ...»

БХВ-ПЕТЕРБУРГ
191036, Санкт-Петербург,
Гончарная ул., 20
Тел.: (812) 717-10-50,
339-54-17, 339-54-28
E-mail:mail@bhv.ru
Internet: www.bhv.ru

"Сказки народов России":
"Сказки озера Байкал" В.Стародумова
"Уральские сказы" П.Бажова
"Архангельские сказки" С.Писахова
"Алтайские народные сказки"
"Сказки народа ханты"